

18+

Александр Боярский

СЕРЕНАДА СОЛНЕЧНОГО ЛЕТА

Роман-настроение в жанре
импрессионизма

Александр Боярский

Серенада солнечного лета.
Роман-настроение
в жанре импрессионизма

«Издательские решения»

Боярский А.

Серенада солнечного лета. Роман-настроение в жанре импрессионизма / А. Боярский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609956-2

«Серенада солнечного лета» — роман, который хочется перечитывать, он захватывает с первых страниц. Интересный язык, диалоги, тонкий юмор. Автор создаёт «атмосферный» мир уютной романтики эпохи безмятежности. Герои раскованно любят, расстаются, живут, радуются жизни жарким летом 1959 года. Жизнь — это не набор схем и правил. Это живые персонажи. Роман для ценителей импрессионизма, где нет чёрных красок жизни. Прочитаете — словно хороший фильм посмотрели. В романе много узнаваемых примет времени.

ISBN 978-5-00-609956-2

© Боярский А.
© Издательские решения

Содержание

СЕРЕНАДА СОЛНЕЧНОГО ЛЕТА	6
роман (июнь 2017 года)	7
Глава 1. Счастливая электричка	8
Глава 2. На перепутье двух дорог	12
Глава 3. Соседи разные бывают, а тётки свои	18
Глава 5. На теплоходе музыка играет	31
Глава 6. Репетиция оперетты в театральной студии	39
Глава 7. Девушка спешит на свидание	44
Глава 8. У римского фонтана	50
Глава 9. Таинственные гроты для любви	55
Глава 10. Достойным быть не запретишь	65
Глава 11. Дом, в котором я живу	71
Глава 12. Шестнадцать тонн любви	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Серенада солнечного лета
Роман-настроение
в жанре импрессионизма**

Александр Боярский

© Александр Боярский, 2023

ISBN 978-5-0060-9956-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Боярский

СЕРЕНАДА СОЛНЕЧНОГО ЛЕТА

Иллюстрация Валерия Барыкина

роман (июнь 2017 года)

Эпиграф

**Однажды утром у одного из нас закончилась чёрная краска;
так родился импрессионизм.
Пьер Огюст Ренуар**

Глава 1. Счастливая электричка

Жарким солнечным маем по раскалённым рельсам, постукивая на стыках, среди бела дня, из Москвы в пригород спешила обычная зелёная электричка. Днём в вагоне было совсем немного пассажиров. Бабушки с кошёлками, студенты с учебниками, молодые мамы с детьми – кто-то с кем-то разговаривал, люди обменивались разными новостями из газет, дети ели мороженое, и только одна девочка лет пяти от роду не ела мороженое, а смотрела в сторону девушки, что сидела у окна напротив и читала большой журнал. Ее взгляд привлекла цветная обложка, на которой была изображена молодая женщина в красивом платье. Малышка переводила свой взор то на обложку, то на девушку, которая рассматривала фотографии в журнале и не обращала на нее никакого внимания. Тогда девочка стала корчить смешные рожицы, но девушка словно не замечала никого и ничего вокруг. Жаль, но девчушка ещё не умела читать, но считать до десяти уже могла и даже знала, какими цифрами пишется 1959 год. Именно их она и увидела в углу обложки журнала и обратилась к своей маме, сидящей рядом: – Мама, а что за журнал смотрит вон та тётя у окна?

Мама на секунду отвлеклась от пейзажа за окном поезда и посмотрела туда, куда показывала ей дочка. И она увидела вовсе не тётю, а милую и очень красивую молодую девушку в модном белом платье в синий горох с тонким пояском на талии и в симпатичных плетёных босоножках на высоком каблуке, которая, склонив голову с модной причёской чуть набок, держала в руках новый журнал «Рижские моды». Она была настолько увлечена содержанием журнала, что даже не услышала разговор мамы с дочкой.

– Девушка читает журнал мод. Там показывают новые модели платьев. И не смотри ты так пристально, это просто неприлично для маленькой девочки.

– А что прилично? – малышка удивлённо посмотрела на маму и стала чесать левую коленку. – Не чеди коленку! – мама поправила подол платья и посмотрела в сторону девушки, которой было на вид лет чуть за двадцать. «Симпатичная», – подумала она и, быстро окинув незнакомку взглядом с головы до ног, снова отвернулась к окну. В это время в конце вагона из распахнутых дверей появился молодой человек выше среднего роста в белой в синюю полоску рубашке с короткими рукавами и в белых тонких летних брюках с белым ремешком и круглой пряжкой. Белые туфли и белые носки дополняли его летний гардероб. У парня была вихрастая шевелюра, которую он часто по инерции поправлял правой рукой. В левой он держал средней толщины кожаную папку. Чувствовалось, что у него было хорошее настроение, а его голубые глаза светились лучезарной улыбкой. Он шёл довольно размашистым шагом по вагону, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, и вдруг, увидев девушку у окна, остановился, посмотрел на неё сверху вниз и понял, что невозможно было не изумиться, как изящны, хрупки и прекрасны очертания её нежных плеч, а милые часики на запястье обнажённой руки придавали ей необыкновенную женственность, от которой просто невозможно было отвести взгляд и тем более пройти мимо. Эффектно, с какой-то молодецкой удалью развернувшись на каблуке, парень уселся на свободное деревянное сиденье напротив девушки и, увидев цветные рисунки и фотографии с красивыми девушками в модных платьях, сквозь стук колес громко, произнёс:

– А что, у нас уже продаются рижские журналы мод? – и посмотрел на девушку, ожидая её реакции. Та спокойно подняла голову и, словно не понимая сути вопроса, произнесла:

– И не только «Рижские моды», но и таллинский «Силуэт» и даже «Банга» из Вильнюса. А вы что, интересуетесь модой? – она опустила журнал на колени и стала рассматривать молодого человека, отвлекшего её от интересного занятия. Парень был симпатичный с голубыми глазами. Даже не курносый. Это она отметила сразу. И любит всё белое. Ну что ж, для лета это более чем подходящая одежда.

– Ну, не сказать, что я прям уж так интересуюсь. Это скорее вы, девушки, этим больше занимаетесь. Так, просто интересно. Я больше по машинам. Могу не только водить, но и ремонтировать, – и он посмотрел девушке в глаза, – если понадобится, конечно. А у вас это увлечение?

– Нет. Просто я сама шить люблю. Ну и по работе, конечно.

– Вы создаёте модели одежды? – парень даже немного был удивлен таким откровением девушки.

– Да, а что в этом такого удивительного?

– Нет. Ничего. Хотя удивительно то, что я вот, – и тут он слегка напел в стиле Рашида Бейбутова: «Я встретил девушку, полумесяцем бровь» и как ни в чём не бывало продолжил, – которая сама себе шьёт платья, а не покупает их в магазине.

– Правда, у меня на щёчке родинки нет, но... зато я люблю экспериментировать. Меня этому в институте учили.

– В институте? – и он таинственно улыбнулся. – В каком, если не секрет?

Девушку стал забавлять молодой человек.

– Не секрет, в текстильном. Мне это с детства нравилось. Однажды мама показала, как надо шить, вот с тех пор и тренируюсь.

– А мы с ребятами только в футбол тренируемся играть. И то для себя. А как вас зовут?

– Меня? – она удивилась и слегка улыбнулась. – Нарываетесь на знакомство? Однако. Смелый!

– Мы не в бане, чего стесняться. Меня, например, Сергеем зовут, а вас?

– Прекрасная незнакомка. Этого достаточно?

– Вот и познакомились, – он усмехнулся и покачал головой, – даже и не знаю, с чего теперь начинать. А вы в Москве живёте или работаете?

– А вас что больше интересует: где я живу или где работаю? В её глазах явно поселилась хитринка, и она отложила в сторону журнал мод. – Всё-то вы Сергей хотите сразу узнать, а о себе и пары слов не сказали. Вот я о вас пока ничего не знаю, а вы хотите сразу и всё. Это даже как-то нечестно. Вы комсомолец?

Он даже удивился этому вопросу и прямо посмотрел ей в глаза.

– А причём тут это, комсомолец или нет? Ну, предположим, комсомолец, и что, это как-то может повлиять на наше знакомство?

– А вы что, уже хотите со мной познакомиться?

– А мы разве ещё не познакомились с вами?

– А вы не торопите события, Сергей?

– А что в этом плохого? – удивился он. – Я хочу с вами познакомиться. Вы мне очень понравились, и я хочу также понравиться вам. Разве это противозаконно?

– Нет, я этого не сказала.

– Тогда будем знакомы, – и он протянул руку девушке, но она даже не успела в ответ подать ему свою, как из динамика раздалось:

– «Следующая станция Подольск, конечная».

Сергей механически повернул голову и посмотрел в окно:

– Кажется, подъезжаем...

Колёса электрички застучали по рельсам железнодорожного моста, разделяя взгляд, словно на отдельные кинокадры, мелькающими чёрными стальными фермами, проносясь над текущей внизу рекой Пахрой.

– Пора на выход, – и он стал вставать с сиденья. Девушка свернула в трубку журнал мод и положила в рядом стоящую плетёную сумку, которую взяла в руки и, повернувшись, сделала шаг в сторону выхода.

Сергей, оставшись стоять с протянутой для знакомства рукой, лишь успел негромко сказать: – Вы убегаете, так и не сказав своего имени? Он с надеждой посмотрел в глаза этой прелестной незнакомке, с которой ему ну никак не хотелось расставаться. Он понял, что она ему очень понравилась, и скорость мышления не позволяла так быстро и прямолинейно действовать с ней, как ему в данный момент хотелось. Он стал осознавать, что девушка может и не ответить на его призыв познакомиться ближе, а ему совсем не хотелось её терять из виду. Девушка грациозно прошла к дверям вагона, раздвинула их и вышла в тамбур. Электричка приближалась к платформе. В окнах дверей мелькнуло старинное здание вокзала, на фронтоне которого красовалась надпись в классическом виде – чёрными буквами на белом фоне – «Подольск». Зелёная электричка с жёлтыми линиями по бокам стала притормаживать и скоро остановилась у платформы. Девушка открыла дверь вагона и, спустившись по ступенькам, ступила на чистый, ещё утром вымытый асфальт платформы. Следом она услышала знакомый голос молодого человека:

– Девушка! Простите, вы так категорически спешите, что у меня складывается впечатление, что вы просто боитесь со мной познакомиться? Я разве такой страшный?

– Нет! Что вы. Вы очень даже симпатичный. Просто я думаю.

– О чём, если не секрет?

– Секрет! Можно я промолчу. Я – девушка. Мне можно.

– А имя девушки узнать можно? – решился на сей раз Сергей.

– Можно. Но осторожно.

– Итак, она звалась?..

– Наташа, так меня зовут! – и она посмотрела в его глаза, продолжая свой неспешный шаг по платформе.

– А меня Сергей, – он ещё раз произнёс своё имя, словно напоминая для того, чтобы Наташа его не забыла.

– Спасибо, Сергей, я запомнила! – она слегка улыбнулась, продолжая шагать по асфальту, и уже вышла на привокзальную площадь, где стояли рейсовые автобусы. Больше всего было красных с желтой полосой ЗиСов, которые после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году так и прозвали – «Фестивальные!»

– Наташа, а вам далеко ехать до дома?

– А мне ехать никуда не надо. Я люблю пешком ходить.

– И далеко так любите ходить?

– До самого перекрёстка у клуба Лепсе.

– А чего там знать? Иди прямо и не промахнёшься. Там ещё на углу с Рабочей летнее кафе-мороженое находится. Мы туда с друзьями перед кино любим ходить.

– Вы любите кино?

– А кто его не любит? Я лично таких не знаю. А вы его не любите?

– Нет, я такого не говорила. Я люблю кино, и даже очень! Особенно комедии.

– Наташа, вы мороженое хотите? – они проходили как раз мимо стоящего на углу деревянного киоска, в котором продавалось мороженое разных сортов.

Наташа глянула на киоск и машинально посмотрела налево, в сторону привокзального Тишинского рынка, куда обычно спешили женщины прикупить там к обеду или ужину что-то вкусненькое. Рядом возле самого рынка возвышалась огромная водонапорная башня знаменитого советского архитектора Шухова, почти такая же, как его телебашня в Москве на Шаболовке. Яркое солнце ударило в глаза, и Наташа опустила голову.

Они вошли на тротуар в тень больших американских клёнов, которые росли на проспекте в два ряда вдоль всего зелёного газона, огороженного низкими чугунными изгородями со звёздами, выкрашенными в зелёный цвет. Слева располагались частные разноцветные одноэтажные домики, с зелёной травой и кустами душистой сирени за заборами, но было одно отличие от всей остальной части проспекта: здесь стояли два удивительно высоких дерева, тем самым резко выделяясь среди других. Слева у одного из домов росла, чуть ли не в три обхвата, высокая и стройная липа. А немного подалее, за этим домом, метров через двадцать возвышался над тротуаром огромный и очень высокий старый тополь.

Наташа всё так же лукаво посмотрела на Сергея и нарочно переспросила его:

– Сейчас? Нет. Но не откажусь, если вы меня пригласите в наше летнее кафе.

– Договорились. Я вас приглашаю. Сегодня. Вечером!

– Спасибо, Сергей. Я принимаю ваше приглашение.

– Вы разрешите вас проводить до дома?

– Окажите честь! – Наташа улыбнулась Сергею. Они шли по самой известной улице города, Революционному проспекту, в просторечии «Ревпроспект», по которому все любили гулять по вечерам. Из рупоров на столбах звучала музыка, иногда передавали какие-то сообщения и городские новости, в общем, идти было совсем не скучно в тени растущих в два ряда американских клёнов. Подольск был очень зелёным городом, и горожане этим гордились. Сергей и Наташа шли медленным шагом. Им явно было интересно друг с другом, Сергей что-то стал рассказывать, размахивая левой рукой, ведь в правой руке он держал кожаную папку. Наташа улыбалась. Она то смотрела на Сергея, то отворачивалась в сторону и больше молчала, чем говорила, думая о чём-то своём.

Её каблучки мягко ступали по нагретому асфальту, оставляя на гудроне следы лёгких вмятин.

Глава 2. На перепутье двух дорог

В тот день небо на горизонте было серое, невзрачное, словно совсем не весеннее. Сергей садился в скорый поезд, который должен был его увезти из провинциального областного города в самом центре Сибири, где, к его сожалению, у него не сложилась карьера после окончания института. Иногда так в жизни бывает: надеешься, что на новом месте жизнь повернётся к тебе лицом, и ты найдёшь для себя то, к чему так долго стремился, учился, с кем-то спорил, кому-то что-то пытался доказать, а потом вдруг раз, и вместо всего этого тебе вручают обратный билет, и ты возвращаешься обратно в свой дом, откуда ты совсем недавно уехал, веря в то, что на новом месте у тебя будет новая жизнь. Так думал Сергей, сидя у окна в купе поезда, который набирал ход, стуча на стыках рельс, увозя его из этой недолгой номенклатурной жизни, в которой он оказался после получения распределения в Главк... – его мысли оборвал голос девушки-соседки по купе: – Вы чай будете? Вам заказать? Сергей повернул голову от окна и увидел напротив себя молодую девушку с косами и белыми бантами, на вид лет семнадцати, не больше. – Видно, только школу закончила, – подумал он, глядя ей в глаза, и тут же машинально ответил: – Да, конечно, буду! Спасибо вам!

Он оглядел купе и был приятно удивлён, что другие два места оставались пустыми. Даже странно. Обычно все билеты бывают распроданы, а тут целых два места, две верхних полки были свободны. Поезд идёт на Москву, и вдруг свободные места, такое точно бывает редко. И девушка, словно прочитав его мысли, добавила: – Проводница сказала, что через пару остановок к нам подсядут двое военных, так что недолго нам оставаться вдвоём.

– И вы из-за этого переживаете? – удивился Сергей, глядя на эту курносую девушку в ситцевом платице с белым воротничком под самое горло. Её карие глаза смотрели на него с любопытством. В это время открылась дверь купе и появилась проводница с подносом в руках, на котором стояло много стаканов с чаем в мельхиоровых подстаканниках.

– Вам два стакана? – машинально спросила она, глядя то на парня, то на девушку. Девушка снова опередила Сергея и ответила сразу за двоих: – Да, нам, пожалуйста, два стакана. Проводница поставила на столик два стакана со свежесваренным чаем и положила две упаковки сахара-рафинада, пояснив при этом: – Оплата после.

– Благодарю вас! – теперь уже Сергей внёс свою лепту в разговор и, подвинув один стакан к себе, стал разворачивать сахар. Девушка тоже не заставила себя ждать и проделала аналогичную процедуру и, бросив два куска сахара в чай, стала размешивать его ложкой. – Вы только чай будете пить, или мы приступим к завтраку? – спросила она и полезла в рядом стоящую сумку, из которой достала большой свёрток, и, положив его на столик, стала разворачивать. Перед Сергеем развернулся стандартный набор всех путешествующих на поездах: варёные яйца, чёрный и белый хлеб. Белый, кстати, в виде сложенных маслом друг к другу бутербродов напоминал ароматный сэндвич. Рядом лежала нарезанная кружочками краковская колбаска, пара помидоров, соль в кулёчке из бумаги и пара бутербродов с сыром. Всё это вызывало приступ аппетита у Сергея. Он просто не ожидал, что вот так сразу придётся начинать в поезде «утренний моцион», но в принципе был готов к этому и тоже полез в хозяйственную сумку за завтраком, который мало чем отличался от уже выложен-

ного на стол: те же яйца вкрутую, та же соль и помидоры, хлеб и нарезанный сыр с докторской колбасой.

– Да, нас словно собирали на одной кухне, – усмехнулся Сергей, глядя на продукты на столе.

– Мама постаралась, провожая меня в дорогу. Я ведь первый раз еду в Москву. Буду поступать в театральный, – гордо заявила попутчица. – А вас как зовут? Давайте знакомиться! Вы ведь до самой Москвы едете? – выпалила она, словно из пулемёта, звонким голосом. Сергею нравились такие острые на язык девчонки. Он улыбнулся в ответ и сказал очень просто: – Да, до самой столицы. Меня зовут Сергей!

– А меня Марина! Вот школу закончила и решила поехать поступать! Я с десяти лет в театральной студии занималась. Почему люди не летают, как птицы! – вдруг произнесла она фразу из известного монолога и уставилась на Сергея, словно ожидая его реакции.

– Любите театр? – он отхлебнул из стакана чай и стал чистить яйцо. – И уже решили в какое училище будете поступать? – и посмотрел с улыбкой в её карие глаза. Она после этого макнула в соль яйцо и откусила кусочек, прожевала и лишь потом, махнув головой, ответила:

– Мне советовали сразу во все документы подавать, а там, как получится. А вы зачем в Москву едете? – теперь уже она спросила Сергея, пытаясь оценить молодого парня в светло-сером костюме и белой рубашке, но без галстука с расстёгнутой верхней пуговичкой. – На студента вы вроде не похожи. По работе едете?

– Почти, – ответил он немного нехотя, стараясь не вдаваться в подробности своей поездки.

– Это как это, почти? – удивилась Марина. – В отпуск что ли?

– Можно сказать, что и в отпуск. Живу я там.

– А, так вы здесь были в командировке? Как интересно! Так вы коренной москвич. Везёт же вам! – она излучала столько энергии, что Сергей сразу понял, что такая даже в Москве не пропадёт, а, возможно, даже и поступит в какое-нибудь театральное училище, если останется такой же бойкой и на приёмных экзаменах.

– И долго вы у нас были в командировке?

– Почти год, – ответил Сергей.

– Ничего себе командировочка! – удивилась Марина. – Что-то строили?

– Да нет, я не строитель, – отшутился Сергей, но Марина была неумолима:

– А кто же вы тогда, если не строитель, чтобы почти на год уехать из Москвы?

– Инженер-конструктор.

– А, понятно, на каком-то заводе что-то собирали, да?

– Да вы прямо всё хотите знать в первые пять минут. Так жить будет не интересно, Марина! – он хитровато прищурился и стал сверлить её глазами: – А может, вы не в театральный собираетесь поступать?

– Ну, ещё во ВГИК попробую, – не поняла она подвоха, уплетая колбасу и запивая чаем.

– В кино хотите сниматься? А что, вам кожаная куртка и красная косынка очень подойдут, ещё и маузер дадут!

– Маузер? – удивилась Марина, – зачем мне маузер?

– Чекиста будете играть! И белых офицеров допрашивать! Я думаю, вам это очень подойдёт! С напором и азартом! Горячее сердце! – Сергей явно иронизировал, но молодая девушка это не сразу поняла, но когда поняла, то покраснела и чуть не поперхнулась: – Ой! Вы меня извините, я по-простому, совсем без задней мысли, – и она засмушалась.

– Ну хорошо, если без задней мысли!

– Простите, я не специально.

– Да я понимаю. Ничего. Бывает. С таким напором, я думаю, у вас при поступлении проблем не будет!

– Ой, да какой напор, – она махнула рукой. – Одно дело наша студия и совсем другое театральный. Там такие педагоги! Такие артисты!

– Главное, не стусеваться! В свои силы надо верить всегда, иначе зачем ехать в Москву и поступать в театральный, если у вас нет уверенности в своих силах?!

– А вы что про меня подумали? – вдруг переспросила Марина.

– А что можно подумать про молодую девушку, которая завалила незнакомого парня своими вопросами? – теперь уже удивился Сергей, продолжая есть свой бутерброд с сыром. – Или у вас папа в органах работает, или вы в своей театральной студии переиграли всех чекистов!

– Что? Вы серьёзно так подумали про меня? – теперь уже удивлялась Марина, смотря чуть испуганным взглядом на Сергея. – Неужели я так агрессивно выгляжу со стороны? – и она с непривычки стала вдруг оглядывать себя: – Я что, на самом деле такая агрессивная, да? – она чуть не заплакала. – Говорила мне мама, что я слишком много всегда вопросов задаю.

– Ничего, я думаю, в театральном это пригодится! – улыбнулся Сергей.

– Вы так думаете, Серёжа?

– Ну а что, вполне! С комсомольским напором, грудью дорогу проложим себе! – и Сергей так убедительно ещё и кулак сжал, словно показывал весь этот напор молодой и красивой девушке, что та аж зарделась от его слов, особенно про грудь, которая у неё была вполне даже очень для её семнадцати лет, и, словно чего-то устыдившись, она низко наклонила голову и замолчала, и тут как раз две толстые косы упали ей на грудь.

«Совсем девчонку засмушал», – подумал Сергей и выпил чаю.

За окном мелькали сибирские пейзажи. Этот разговор с молодой девчонкой его немного отвлек от мрачных мыслей, что так хотели завладеть окончательно его вниманием. Он, если честно, без особого сожаления покидал город, в котором прожил практически целый год после того, как в институте получил направление на работу. По идее он должен был ещё два года тут отработать в Главке, изучать всю местную технологию в области, составлять планы для фабрик и заводов, но только не заниматься своим любимым делом. И это его стало угнетать. Так как он рисовал с детства, то стал в свободное время рисовать местные пейзажи, а на фоне этих пейзажей всегда появлялись мужчины и женщины в красивой одежде. Больше всего ему нравилось рисовать трикотажные изделия – свитера, шапочки, кардиганы, шарфы, даже перчатки и однажды, не выдержав однообразия местной трикотажной фабрики, которая только и могла, что выпускала серые и совсем невзрачные свитера для технических работников, для которых главное было тепло, а не красота, высказал всё, что об этом думает, начальнику Главка. Начальник был мужик крепкий, серьёзный, которого жизнь побросала из одной крайности в другую, хорошо, что под репрессии не попал, хотя один деятель и написал на него донос, но слава богу, что в тридцать девятом там не стали пороть горячку и рубить с плеча, а внимательно разобрались и посадили за клевету того, кто этот пасквиль накатал, а ему доверили целый главк. И хоть во время войны сколько он ни писал докладных, чтобы его отправили на фронт, никто его даже не думал туда отпускать: кому-то надо же выпускать одежду для фронта, а тёплое бельё и свитера ещё никто не отменял, тем более на флоте. Так в тридцать девять лет он из директора трикотажной фабрики

стал руководителем целого главка. И это было символично. Когда к нему на приём пришёл молодой выпускник вуза, представился Сергеем Петровичем Николаевым и чётко изложил суть своего вопроса, то начальник только одно у него спросил: – Сергей Николаевич, вы в армии служили?

– Так точно, в пограничных войсках! – Сергей даже встал со стула.

– Ты садись, садись, чай, не в армии! – начальник махнул ему рукой. – Это сразу чувствуется! – уточнил Громов Владимир Николаевич. – Ты смотри-ка, у нас с тобой отчества одинаковые. Так редко бывает. Ну что я могу сказать: мне всё ясно, творческая душа рвётся внедрить у нас новые разработки и выпускать их на местной фабрике, но не получится! Увы!

– Почему, Владимир Николаевич? Это же хорошая перспектива. В городе реально особо нечего купить, особенно молодым людям. Ну не всё же время нам делать только всё для армии и флота.

– А что тебя не устраивает? Армию кто-то должен одевать, и сам пойми, им там не на танцы ходить, а выполнять боевые и учебные задания. А для этого им красота не нужна, им качественные и надёжные вещи нужны. А главное – тёплые! А серые они или цветные, им это сам понимаешь, до лампочки! – Начальник говорил очень убедительно, и Сергей это тоже понимал, но он понимал и то, что если он не будет заниматься по своему основному профилю, то достаточно быстро потеряет свою квалификацию. Что он сможет предложить нового, если они каждый год изо дня в день шьют только то, что заказано армией и флотом, и гражданские вещи здесь выпускать нет необходимости. Тогда зачем он здесь нужен? Без него вполне могут и обойтись. Может, он тогда в другом месте, на другой фабрике будет честно отрабатывать свои годы и набираться опыта, раз государство потратило свои деньги на его обучение, и он должен их вернуть сторицей? Они долго общались в этом начальственном кабинете, и в итоге Громов принял для себя и для Сергея компромиссное решение, но сначала его спросил: – Ты хочешь вернуться в Москву? Домой потянуло?

– Дело не в Москве и не в доме! – чётко ответил Сергей.

– А в чём тогда? Мама соскучилась?

– Мама тут совсем ни при чём!

– А что причём? – удивился Громов.

– Для меня главное – приносить пользу нашей стране и самому творчески развиваться. А развиваться я смогу только тогда, если на той фабрике, где буду работать, я смогу воплощать свои идеи! Иначе зачем нас тогда учат этому? Для того чтобы шить всю жизнь серые свитера и военные шарфы, не надо быть модельером-конструктором, вот что я скажу вам, уважаемый Владимир Николаевич! Как комсомолец скажу!

– Ты думаешь, я тебя не понимаю? Понимаю, сам таким был в молодости, но где мне взять в нашем городе, да и во всей области такую тебе фабрику. А в Москве между прочим мест нет! Да, да, я узнавал между прочим, ты не думай Сергей! Узнавал! Ты ещё только ко мне собирался, а я уже знал, по какому вопросу ты идёшь.

Сергей от неожиданности даже привстал со стула. Эти слова его просто поразили. Да, он написал докладную и шёл на разговор, словно на Голгофу, но вот такого ответа от начальника Главка он точно не ожидал. Да и где это видано, чтобы начальник Главка вникал в такие вопросы? Кому это надо? Думал, будет разнос по полной программе, но ему очень хотелось отстоять свою позицию, а тут вдруг ни с того ни с сего начальник отнёсся к нему с полным сочувствием и пониманием. На фабрике его совсем не понимали, и все его предложения воспринимали как блажь молодого

инженера и не более того: думали, годок другой поработает и перебесится и будет себе спокойно работать, женится, а потом дети пойдут и будет ему уже не до этого. Но не тут-то было. Сергей встал, как говорят, в позу и со своего пути свёртывать не собирался. Директор его совсем отказывался понимать и собирался «пропесочить» на комсомольском собрании, чтоб тот глупостью не маялся.

– Вот что Сергей, садись давай, в ногах правды нет. Сам знаешь. Я тут кое-что разузнал, так вот, есть одно место, которое может тебе подойти, но оно не в Москве, сам понимаешь. Но рядом.

– Не в Москве, это где, Владимир Николаевич? – спросил Сергей и ожидал услышать про какой-нибудь город, где-нибудь в другом конце страны.

– Рядом, всего в сорока километрах от столицы, в Подольске. Там есть трикотажная фабрика, которой нужен новый модельер-конструктор. Старый на пенсию ушёл, а нового пока не нашли. Правда, у них ассортимент тоже не шибко богатый, но директор тобой заинтересовался. Так что, если тебя это устраивает, пиши заявление, я подпишу, исправим тебе распределение, и будешь там работать. Ну, вот только ездить тебе из Москвы туда придётся каждый день на электричке, сам понимаешь, – и начальник улыбнулся. – Ну как, согласен?

– Спрашиваете. Конечно, согласен. А электричка мне не пригодится, – и он улыбнулся совсем по-детски, словно что-то или кого-то вспоминая.

Когда он вышел с чемоданом в руке на Вокзальную площадь в Подольске, окинул её своим широким взглядом, то за автобусами увидел несколько свободных такси. Кофейного цвета «Победы» ожидали своих пассажиров. К середине апреля снег уже сошёл полностью, почки на деревьях набухли, и скоро должны были появиться первые зелёные листочки. Солнце слепило вовсю. В Сибири он ходил в пальто, а тут ему даже жарко стало. Он выбрал ближайшую машину и, договорившись о поездке, погрузив свой чемодан в багажник, сел на переднее сиденье рядом с водителем. На вид ему было лет сорок, не меньше. Тот завёл мотор и лишь потом уточнил: – Так куда мы едем, молодой человек, а то вы так и не сказали?

– На Малую Ивановскую, у реки, – уточнил Сергей и расстегнул пуговицы на пальто и тут же стал открывать окно, крутя ручку на двери машины: – Вы не против? – спросил он у водителя.

– Да нет, не против. Понимаю, вам жарко, вы так тепло одеты. Издалека к нам приехали?

– Да, из Сибири. Там ещё прохладно, – уточнил Сергей и стал смотреть в окно. На углу, у самого поворота на проспект стоял огромный стенд, на котором была укреплена афиша нового кинофильма, который скоро выходил на экраны. Он прочитал название «Сверстницы». Три молодые девушки словно куда-то бежали. Он не успел только разглядеть надписи и кто играл главные роли, как машина выехала на широкий проспект и стала набирать скорость. Красивые канадские клёны стояли в два ряда с набухшими почками. Как давно он здесь не был, подумал Сергей. Ревпроспект, так его все звали, поистине самый крупный ансамбль центра города вновь поразил его. Красивые четырёх- и пятиэтажные дома, густые кроны деревьев, аккуратные стриженные газоны, чистый вымытый асфальт на тротуарах: «Стильно, очень стильно, ничего не скажешь! – подумал он, – давно я здесь не был». Он улыбался солнечному дню и тому пониманию, что у него начиналась новая жизнь. Дорога была пустынная, лишь изредка навстречу ехали городские автобусы, да такие же одинокие такси.

Когда они подъехали к деревянному дому с мезонином по накатанной просёлочной дороге, на которую съехали после асфальтового покрытия, и остановились, Сергей попросил водителя посигналить и стал выходить из машины. Через некоторое время открылась калитка, и из неё показалась средних лет довольно ещё симпатичная женщина и, увидев Сергея, бросилась к нему со словами: – Сережка, ты приехал! Как я рада тебя видеть! – Она обняла его и расцеловала в щеки. Она не могла на него насмотреться. Сколько лет прошло, когда она его видела в последний раз – перед самым уходом в армию, вихрастого мальчишку остригли, как тогда говорили «под Котовского», и его лысая голова сверкала на солнце. А теперь перед ней стоял взрослый молодой мужчина, красивый, ухоженный, с добрыми весёлыми глазами, какие она помнила ещё с детства, когда племянник к ней приезжал иногда во время каникул вместе с матерью отдохнуть и покупаться в Пахре, благо река была под боком. Это было сразу после войны. Господи, подумала она, как быстро летят годы.

– Я тоже рад вас видеть, тётъ Свет!

Водитель уже вытащил из багажника чемодан и поставил его у ног Сергея.

– Это все твои вещи? – удивилась тётушка, окидывая взглядом нехитрый багаж племянника. Сергей только тряхнул головой и протянул таксисту деньги, расплатившись за поездку.

– Ну, пойдём домой, племянничек ты мой! – обняла она его за плечо и поцеловала в щеку.

Подхватив свой чемодан, Сергей с тётей Светой пошли в дом, где их ждал уже накрытый стол с бутылкой вкусной вишнёвой наливки домашнего приготовления.

Глава 3. Соседи разные бывают, а тётки свои

Наталья вошла в подъезд своего дома, где их квартира находилась на третьем этаже и уже поднялась на второй, когда открылась входная дверь одной из квартир и на лестничной площадке появился молодой человек лет тридцати в очках с короткой стрижкой и в сером костюме. Увидев свою соседку, тут же поздоровался с ней:

– Рад вас видеть, Наташа! Вы как всегда неотразимы! Гуляли? – он остановился, преградив ей путь.

– Гуляю я по вечерам с подругами, Володя! А вы куда-то собрались в субботу? Или снова на работу? – она хотела его обойти, но он стоял, как памятник на постаменте, да ещё и с распростёртыми объятиями, словно хотел её обнять. Наталья это оценила, но промолчала, глядя на соседа и ожидая, что скажет он в ответ.

– Да вот, решил в кино сходить, а вечером на танцы и вас хотел бы пригласить...

Наталья не дала ему договорить: – Володя, вас, как Остапа, понесло, идите лучше в цех, которым вы руководите, а я уж как-нибудь сама решу, с кем мне в кино сходить!

– Наташ, ну чего ты выпендриваешься? Я к тебе со всей душой! – чуть не взвыл Володя.

– Володь, мы с тобой уже, кажется, говорили на эту тему – найди себе другую девушку, или у вас на заводе всех красавиц разобрали? – она отвела руку Владимира в сторону и спокойно обошла его и снова стала подниматься по лестнице в свою квартиру.

– Наташ, ты мне очень нравишься!

– Володя, ты же не хочешь, чтобы я тебя куда-то послала по известному адресу. Давай останемся нормальными людьми и будем общаться, как соседи. «Не обижайся, но ты не в моём вкусе», – сказала она просто, совсем без злобы и, отвернувшись от него, застучала каблучками по лестнице. Володя смотрел её вслед и лишь пожал плечами, потом почесал голову и как-то нехотя для себя стал спускаться по лестнице вниз. Эта девушка оказалась ему не по зубам, и сколько он ни пытался в прошлом привлечь к себе её внимание, всё оказалось пустой затеей: он встречал её и с цветами, и с бутылкой шампанского, с шоколадными конфетами, но она оставалась неприступной крепостью. Даже мать его уже отчитала за то, что он не давал Наталье прохода: – Ну сколько ты будешь себя унижать? Ты же видишь, она на тебя даже не обращает внимания!

– Мама, ты ничего не понимаешь! Она мне нравится! – восклицал он в сердцах.

– Мало ли, кто кому нравится, – и она усмехнулась, глядя на своего сына, который безуспешно уже целый год пытался сойтись с Натальей, но эта соседка оказалась крепким орешком. «Девка молодая, но себе на уме!» – А ты что, начальник цеха, на заводе себе никого не можешь найти? Или у вас там все девки кончились, а? Чего ты за неё уцепился? – она сыпала вопросами, а он молчал, слушал, пока не взорвался от этого пулемётного треска своей матери: – Отстань! Я сам знаю, кто мне нужен!

– Если б ты был ей нужен, она бы сама к тебе прибежала! А раз она от тебя бегаёт, забудь! Найди себе другую девчонку. Сходи вон в парк на танцы, там девок молодых полным-полно. Сейчас вон все танцуют буги-вуги, и ты танцуй, наверняка из цеха есть подруги, не майся дурью, брось её, забудь! Она тебе не пара, вот в чём суть! – учила сына мать, но быть всегда послушным он не собирался, уж тридцать лет, как слушал он её. Вот и сейчас смотрел Наталье в след, спустившись по ступеням, и, может, в этот лишь момент он понял: она ушла, и, возможно, навсегда!

А, может есть ещё попытка? Ответа, к сожалению, не нашёл, он вышел из подъезда и в кино пошёл. Как хорошо, ДК им. Лепсе был рядом, он поискал афишу взглядом, увидел – новое кино, он не смотрел пока его, и вдруг его окликнул женский голос, он обернулся и застыл: бухгалтер из расчётного отдела пытливо на него глядела: – Володя, ты в кино собрался? Составь компанию, сегодня я одна. Одной в кино ходить я не привыкла, девчонок нет, не хочется скучать, а ты, смотрю – один!

Он молча осмотрел её и лишь сказал: – Привет! – губами тихо улыбнулся, почти сквозь зубы произнёс: – Возможно ты права! Сегодня я один! – и тут он подумал, смотря на девчонку из бухгалтерии, которую, конечно, видел на работе часто, но особого значения не придавал. А тут, бывает же, он посмотрел на неё повнимательней и решил вдруг для себя – «Почему бы и нет!». Валентина была стройной упитанной девчонкой лет двадцати шести, точно не помнил, с простым лицом и уже поднадоевшей причёской, в просторечии прозванной «венчик мира» за уложенную в кружок косу на голове.

– А ты смотрела это кино? – и он махнул головой на афишу.

– Неа, – совсем по-девчоночьи ответила она и подхватила Владимира под руку. – Мороженым угостишь?

– Пойдём билеты купим в кассе для начала, – предложил Володя, и они вдвоём пошли за угол, где находились билетные кассы. Пока он ещё для себя не решил, нравится ему эта Валя или нет, но в кино сходить стоит, мороженое не проблема, можно выпить и вина, а после и в парк на танцы пойти. Может быть, мама и права, подумал он, с Валентиной будет проще найти общие слова...

Наталья вошла в квартиру, сняла туфли и тут услышала знакомую мелодию. Она заглянула в комнату. Мама сидела на диване и смотрела по телевизору фильм «Весна» с Любовью Орловой и Николаем Черкасовым в главных ролях. Орлова как раз пела песенку про весёлые ручьи. Увидев это, Наташа только и смогла произнести: – У них ещё весна, а у нас уже жаркое лето! Привет, мам! Отдыхаешь. А я думала, ты на дачу уехала, а ты дома сидишь!

– Тебя ждала, чтобы вместе поехать!

– А я сегодня не смогу! Мне ещё платье надо дошить, да и вечер у меня сегодня будет занят.

Мама от такого ответа даже бросила смотреть телевизор и уставилась на дочь: – А ты мне ничего не говорила про вечер. Я тебя ждала. Бабушка вечером обещала блинов напечь. И мне что теперь, на ночь глядя на дачу ехать?

– Мам, ну, в конце концов, мне не пятнадцать лет, могут у меня быть и свои личные дела, тем более в субботу. Я и так весь день в Москве проторчала в библиотеке. Я не отдыхала, сама понимаешь. Это всё по работе мне необходимо, – и она уселась на диван рядом с мамой, обняла её и, положив голову на плечо, улыбнулась: – Ты стала забывать, что я уже не маленькая девочка, мне двадцать три года, и у меня вполне может быть своя, личная жизнь... – и, посмотрев маме в глаза, дополнила, – которую кстати, надо устраивать!

Мама чуть отстранилась и даже немного удивлённо посмотрела ей в глаза: – Ты что, замуж собралась? И кто твой избранник? Володя со второго этажа?

– Кто? – нахмурив брови, теперь уже удивилась Наталья.

– Как кто, наш сосед со второго этажа, Володя! Мне кажется, он в тебя давно влюблён! Разве не так?

– Нет, мам, не так! За Володю я никогда замуж не выйду. Не мой типаж! В журналах мод и то ребята интересней.

– А тебе что, красавчик из журнала нужен?

– По крайней мере, там красивые ребята!

– Так это только на картинках, сама знаешь! – мама была непреклонна в этом вопросе, видно, порой забывая, какой сама была в молодости, хотя для своих сорока пяти лет она выглядела даже очень молодо и всегда модно одевалась. Постоянно посещала салон красоты, которые в последнее время стали появляться в парикмахерских, а голову всегда украшала модная стрижка. Поэтому Наталья маму никогда в жизни не видела растрёпанной и в неглаженном домашнем халате. Во-первых, работа в отделе главного конструктора обязывала, а во-вторых, именно с неё Наташа брала пример, как надо одеваться. Именно мама приучила её шить на машинке, однажды в детстве показав, как это надо делать. И Наташе это понравилось, тем более она смогла со временем сама себе шить обновы, иногда даже перешивая старые бабушкины платья, которые та уже в силу своего возраста не носила. Собственно, это и привело её к тому шагу, что она закончила после школы Московский текстильный институт и вот уже как год работала в ателье на Февральской напротив пятой школы. Она теперь сама и закройщица, и платья шьёт, а совсем недавно, как девушку с высшим образованием, и как самого лучшего в городе художника-модельера назначили заместителем заведующей ателье. И это в 23 года. Не всем выпадает такая удача! Наталья Викторовна Чижова, так официально её называли на работе в ателье, это прекрасно понимала, что делается всё с дальним прицелом, чтобы через год, максимум два её назначить полноценной заведующей ателье. Оно и понятно, за это время опыт она наберёт, а вот такого образования у нынешней заведующей нет. Хотя у неё и прекрасные отношения с Тamarой Леонидовной, но та тоже прекрасно понимала, что век её в качестве заведующей не вечен и на пенсию всё равно придётся когда-то уйти, тем более, что ей уже шёл пятьдесят восьмой год. И поэтому она заранее готовила себе замену, благо видела, что Наташа даже не пытается её подсиживать, а спокойно работает, отлично шьёт и имеет кучу своих уже постоянных клиентов. Это и для ателье хорошо, тут тебе и план выполняется, и претензий ни у кого нет; за модой следит, что в последнее время даже стало как-то актуально, то ли действительно времена изменились, и женщины стали больше уделять внимания себе, то ли реально стали отвыкать от войны и думать о мирной жизни и как выглядеть красиво. Недаром к ней стали выстраиваться в очередь и девушки и женщины, чтобы пошить себе новое платье. Мало того, что она частенько ездила в библиотеку, чтобы там посмотреть новые журналы мод, так ещё и тётя у неё жила в Риге, и та присылала ей самые свежие журналы, тем более что в это время в конце пятидесятых годов в стране сразу стали выпускать свои журналы мод и в Москве, и в Ленинграде, а также в Риге, Таллине и Вильнюсе. Поэтому Наташа не ленилась, всё изучала, и в работе это всё было ей нужно, просто необходимо. Да и социалистическое соревнование пока никто не отменял, и переходное Красное Знамя победителя социалистической потребкооперации им постоянно вручали, и саму её периодически отмечали не только почётными грамотами, но и денежными премиями. Поэтому и дома у них был полный достаток – трёхкомнатная квартира, дача, мама хорошо зарабатывает, папа занимается наукой и весной на всё лето уезжает в командировку на Север. Присылает им деньги. В квартире есть всё: и новый телевизор «Рекорд-Б», и радиола с пластинками, на кухне стоит новенький холодильник «ЗиС-Москва». Проблем с питанием нет, покупается всё, что душе угодно, благо и в магазинах всё есть – от чёрной икры, которую при тебе наложат в банку до свежей осетрины, ну разве что бананы и мандарины бывают только к Новому году, и то в последнее время и бананы стали чаще появляться в магази-

нах. Хорошие вина и коньяки тоже свободно продавались. Был большой выбор папирос и сигарет, а многие парни даже повадились курить модные тогда сигары, которых выпускалось великое множество, и в городе часто можно было среди разных плакатов увидеть и рекламу каких-нибудь «Капитанских» сигар. Многие девушки любили курить дамские тонкие сигареты «Дюшес», но Наталья не любила запах табака и потому никогда даже не пробовала курить, хотя мальчишки и предлагали ей попробовать, когда они подростками бегали на Пахру купаться и прыгать с «тарзанки», но ей это было совсем не интересно.

И, конечно, она вспоминала, как в детстве её все мальчишки, да и девчонки в классе звали просто, сокращая её фамилию с Чижовой на «Чижик». Мальчишки во дворе часто кричали ей: – «Чижик, пошли купаться на „тарзанку“?» И весёлой ватагой убегали на Пахру, пропадали там до самого вечера. И никто ведь не искал! Вот жизнь раздольная была. Но юность пролетела очень быстро, и она сама не заметила, как стала взрослой девушкой, и мама стала частенько расспрашивать, как у неё дела на любовном фронте, на что Наталья лишь отнекивалась да смеялась, что, дескать, жених для неё пока не созрел. Как созреет, так обязательно покажет. «А сама она созрела?» – задавала она этот вопрос сама себе, и порой доходило до смешного... – задумывалась Наташа над таким непростым и своеобразным вопросом, который так часто стал возникать в её жизни. «Не помню, кто мне сказал, но сказал, кажется, верные слова: не стоит об этом думать специально! А я и не думаю. Время придёт, и само всё появится! Значит, ещё не пришло моё время!» – Наташа улыбнулась и сама себе подмигнула, глядя в зеркало: «А может, и пришло!» – и, осмотрев себя со всех сторон, добавила: – Я сегодня на свиданье пойду в новом платье!

Тётя Света накормила Сергея от души, и теперь они сидели за столом и продолжали длинный разговор, который у них случился в этот радостный день приезда её племянника.

– Вкусная наливочка! Крепкая! Я даже не ожидал. – Сергей продолжал закусывать, чтобы только быстро не хмелеть. Картошечка с укропчиком, грибочки, мочёные помидоры и, конечно, маленькие и такие хрустящие огурчики-корнишоны, от которых он просто сходил с ума. Всё так, домашний стол всегда отличался от любого ресторанного, каким бы прекрасным он ни был. Он с любовью смотрел на свою любимую тётушку, которую так давно не видел, отправляя в рот маринованные грибы.

– Кушай, кушай, не стесняйся! Здесь ты как дома. А если захочешь, я, конечно, могу поговорить с Ириной... – она не успела закончить фразу, как её остановил племянник.

– Не стоит, тёть Свет! Не стоит. Слишком разные мы стали за эти годы, это ещё с армейской службы началось, когда я там стал учиться на шофёра. Она так этого не хотела, словно я собирался всю свою жизнь работать на машине.

– Ну и что? Даже если бы это было и так, что здесь такого? Нормальная специальность для мужика, и заработок хороший.

– Ну да, если учитывать, что ещё больше её расстроил мой выбор специальности и учёба в текстильном. Был бы жив отец, он меня, конечно, поддержал бы. – Он хмыкнул и покачал головой: – Немужская профессия. И шофёром плохо, и это для неё ни то, ни сё. В общем, пусть живёт как хочет, а я буду строить свою судьбу самостоятельно.

Он немного помолчал и лишь потом добавил: – Ладно, не будем о грустном. Войну мы ещё долго все будем помнить.

– Это уж точно. Я особенно, – словно подвела итог тётя Света. – Сколько лет прошло после войны, жили не тужили, где только ни побывали с моим Петей на машине: и наше Подмосковье всё изъездили, и в Тулу, и в Коломну мотались, даже Золотые ворота Владимира посмотрели, а в Угличе он мне шикарный подарок сделал, золотые часики купил, – и она с любовью посмотрела на своё запястье. – Вот. А потом в Ростов Великий съездили, и в Ярославль, даже на Плещеево озеро заглянули, чтобы и посмотреть, и искупаться. Это было так здорово!

– На машине? И что, всего за один отпуск столько объехали? – удивился Сергей. – И кто вас возил? На такси столько не объедешь, да ещё и за один отпуск.

– Да не за один, конечно. Мы так несколько лет катались. Отдыхали и смотрели все красоты. Старина очень впечатляет. А Петя сам водил, на войне научился, а потом очень хотел купить машину. Вот и купил «Москвич». Всё хотел машину с открытым верхом, чтобы летом было нежарко ездить. Он в Москве у кого-то впервые такую увидел, так прямо загорелся себе купить. Грезил ей. Стал деньги собирать. Благо зарабатывали мы хорошо. А машина, сам понимаешь, как признак хорошего тона. В Москве даже очередь стала образовываться на покупку. Мы иногда туда на Бакунинскую улицу в автомагазин ездили смотреть, но там таких не было. Это сразу после войны, когда они только появились в продаже, почти никто не стремился покупать, потому что гаражей не было, и где её держать? На улице под окном? Сейчас по-другому на это стали смотреть. Всё-таки время лечит. Вот Петя и решил. Многие стали покупать после войны себе машины. Конечно «Победа» подороже стоила, но нам и этой за глаза хватало. И вот в пятьдесят третьем как-то поехал он по работе в командировку в Сухуми и увидел там в магазине такой «Москвич». Здесь они не продавались, в основном только в южных республиках и на Кавказе, ибо зимой в нём, конечно, было бы холодно кататься, а вот летом – самое оно. А там они свободно продавались. Когда деньги есть – почему бы и не купить? Раз с детьми не сложилось, надо же их куда-то тратить? Что их без толку хранить. Дом у нас и так уже был, сам знаешь. Родить я, конечно, очень хотела, и Петя очень этого ждал. Но не сложилось. До войны: то учёба, то дом строили, потом началась война, и нас всех, и замужних и не замужних девчонок, каждый день гоняли на лесозаготовку пешком за несколько километров от города, а там ещё надо было напилить несколько кубометров дров, да так каждый день и зимой, и летом. Пару раз даже в госпиталь попадала то с переохлаждением, то с недоеданием, а после войны как-то не получилось. Видно, это всё на мой организм подействовало, а потом и просто поздно уже стало, хотя вроде и нестарая ещё была... Да ладно, что об этом говорить, короче, ну вот он и попросил, чтобы я перевела ему деньги телеграфом, – она посмотрела Сергею в глаза, – ты представляешь, туда перевести восемь тысяч рублей, – она даже взмахнула руками, словно вспоминая всё это. – Ну что делать?! Он захотел, я и перевела. Так представляешь, он сам оттуда на ней и приехал домой! Оттуда! Нет, ты представляешь Серёж, из Сухуми домой на машине! Да тут все соседи с ума посходили! – Она улыбнулась, может быть, впервые за прошедшие годы вспоминая всё то время, что они прожили вместе со своим любимым Петей, и Сергею стало тепло на душе. Он всё понял.

– Хорошо, что у нас сарай большой, было куда её ставить. Короче, он в сарае для неё гараж устроил.

– Так у вас в сарае машина стоит? – удивился уже Сергей, – «Москвич-кабриолет»? Ничего себе! И она что, на ходу?

– На ходу или нет, я не знаю, после того как Петя умер, я в неё не садилась. Я же не умею водить, да и прав у меня нет. И вообще, это не моё – водить машину. Так и стоит в сарае, пылится.

– Так это же здорово, тётя Свет! Я её приведу в порядок. А посмотреть-то можно? – и он с надеждой взглянул на тётю.

– Конечно! Почему нельзя. Пойдём, я тебе её покажу, – и она тут же встала из-за стола.

Когда Светлана открыла дверь в сарай и включила там свет, то мощная лампочка под потолком осветила не только само помещение, переделанное под гараж, но и машину, покрытую тонким брезентом с налётом пыли. Сергей посмотрел оценивающим взглядом: чего здесь только не было – и разные запчасти, и даже запасные колёса, верстак с тисками, и тут он увидел лежащий на столе карбюратор, он взял его, повертел в руках и, положив его снова на верстак, повернулся.

– Я сниму брезент? – спросил он тётю.

– О чём ты говоришь, Серёж, конечно, снимай!

Осмотрев машину, он медленно, чтобы не пылить, стянул с неё брезент, отложил его в сторону, в угол сарая. И перед ним предстал кофейного цвета «Москвич-400-420» – кабриолет с брезентовой крышей, слегка запылёнными стёклами и хромированными колпаками на колёсах.

– Какой красавец! Я представляю, как вы летом на нём катались с открытым верхом! Потрясающе! А завести его можно?

– Сейчас не получится.

– Почему?

– Ты карбюратор в руках держал. Да и всё-таки он два года без движения тут простоял, я думаю, его проверить надо, а может, и отремонтировать, чтобы он снова ездить стал, – и она протянула ему ключи от машины. – Это хорошо, что ты в них разбираешься. А то я уже думала, что придётся его продавать. Мне-то одной он зачем? Без своего Пети я ни за что не села бы за руль.

– Прости, тётя Свет, а что всё-таки случилось?

– Осколок был у него с войны под сердцем. И ведь не тревожил. Он уже и почти забыл про него. А тут стал ремонт заниматься, взялся ключом откручивать карбюратор, чтобы промыть его да заодно свечи зажигания проверить и промыть, если что, наклонился и, видно, неудачно. Я в саду была и не сразу услышала, как он охнул. Окликнула его, а он молчит. Я в сарай. Как зашла, так сама от неожиданности охнула и застыла в проёме двери. Сразу всё поняла.

Тётя Света стояла, смотрела молча на машину, потом провела рукой по капоту и тихо добавила: – Так вот одна и осталась. И сына не родила, и мужа потеряла. Хорошо, вот ты ко мне приехал! Всё легче, чем одной.

Сергей подошёл к любимой тётю, обнял её и тихо прошептал: – Всё у нас будет хорошо! Я машину отремонтирую, и мы ещё покатаемся вместе!

Тётя Света слегка улыбнулась. Наконец-то в её доме появился мужчина. Молодой и красивый, а главное – любимый племянник. И ей стало намного легче жить и дышать.

Глава 4. Как становятся друзьями, или Театр начинается с бокса

Как и почему ребята вдруг становятся друзьями? Если им задать этот вопрос после определённого времени знакомства, то боюсь, что они и сами не смогут на него

ответить: а, действительно, почему? Случайная встреча двух парней, наличие общих интересов, взглядов, решение каких-либо проблем, всё это порой незаметно объединяет людей в микроколлектив союзников. И если их и в дальнейшем ничего не провоцирует на разрыв отношений, то они очень долго, если не всю оставшуюся жизнь, будут идти вместе рука об руку. Как пишут в книгах – крепкая мужская дружба. Вот и Сашку с Лёшкой свела, как говорят, однажды судьба. И была та судьба молодой девчонкой на танцах, с которой Сашка стал танцевать. Собственный рост в метр семьдесят с небольшим его вполне устраивал, а крепкие рабочие руки никогда не подводили и крепко держали девушку за талию. Его светлые волосы, голубые глаза и добрая улыбка редко кому могли не понравиться. Как говорят в таких случаях, традиционное русское лицо молодого парня. Тем более он не любил грустить и всегда пытался шутить. Но что-то еще было в нём такое, что притягивало к нему как парней, так и девушек. Он умел дружить и ценил дружбу и верность дружбе. А это всегда все уважали и ценили в парне. Но сам Сашка не любил этим ни бравировать, ни злоупотреблять. После службы в армии он заметно повзрослел и возмужал, да и сама работа не позволяла ему расслабляться. Старался держать себя в тонусе, хотя никогда особо спортом не занимался: считал, что ему и так хватает спорта на работе, главное, чтобы не только руки умели молоток в руках держать, но и голова тоже думать должна, недаром от неё в итоге зависит, кем ты будешь в этой жизни. Поэтому Сашка ещё не до конца решил, кем же он хочет быть. Но одно он знал точно – девушка у него должна быть. Может быть, не самая красивая в городе, но симпатичная однозначно. На другое он был не согласен. И тут на танцах в парке он встретил её, такую же смешливую, как и он сам, заговорил с ней в танце и вдруг понял, что ему с ней необыкновенно легко и тепло. Именно тепло. От неё веяло не прохладой, не холодом Снежной королевы, он слава богу на таких насмотрелся за свои неполные двадцать шесть лет, а лёгким и приятным теплом человека, девушки, с которой ему захотелось не просто потанцевать в парке, но и проводить домой. Она сама была такая вся воздушная, лёгкая, непринуждённая и в то же время где-то даже серьёзная. Как он это понял, он и сам догадаться не мог, но каким-то шестым чувством осознал, что это его девушка, и он её никому уже не отдаст. Для него это было впервые, даже сердце как-то стало биться чаще, чего давно, уж точно не было. Он смотрел на неё и не мог отвести глаза. И Тоня тоже это почувствовала. Она рассматривала этого парня и вдруг неожиданно для себя стала что-то про себя рассуждать. О, это были какие-то совсем для неё непривычные мысли: она никогда раньше до этого не опускалась – подумаешь, парень на танцах просто вгрызается в её глаза, рассматривает её лицо, и чувствовала она, что и глаза его не только бегали по лицу, но уж точно мысленно пробежали по всей её стройной фигуре в тонком платье из крепдешина, задержались на ложбинке между двух грудей. А почему бы и нет? В конце концов она молодая девушка, недурна собой и вполне имеет право нравиться парням. Подружки у неё и так есть, ещё со школы, а вот парня, который бы ей нравился по-настоящему, у неё пока не было. Да, она одевалась очень скромно, особой модницей не была, хотя уже и понимала, что с юношеской застенчивостью во взрослой жизни пора и заканчивать, иначе так и старой девой недолго остаться. Хотя... для своих двадцати трёх лет она ещё так и не определилась до конца, стать ей актрисой и покинуть родной дом, правда, для этого ещё надо поступить в театральный, или во ВГИК, чтобы потом сниматься в кино, как, к примеру, Людмила Гурченко, которая для неё уже успела стать кумиром после просто грандиозной комедии «Карнавальная ночь», где она так замечательно пела про пять минут. Тоня и танцевать любила и потому с удовольствием ещё со школьной

скамьи ходила в театральный коллектив в ДК им. Лепсе, что был рядом со школой. Они с Наташкой несколько лет занимались. Вот только Наталья потом в текстильный институт поступила и после окончания стала работать в ателье, а она провалилась и пошла работать на завод. И всё равно она ещё мечтала поступить в театральный или другой какой, но это её уже тянуло. А может, это и есть её судьба, думала она иногда, отправляясь в очередной раз на репетицию в коллектив, где было много интересных друзей и подруг, но вот такого парня, в которого бы ей захотелось влюбиться, там пока не было. А тут вдруг на танцах встретился он, весь такой озорной, и видно, что не зануда по жизни, благо, что терпеть она таких не могла, да и не хотела. И был-то он всего на полголовы выше её, но его крепкие руки так прихватили её за талию, что она и думать о другом как-то вдруг перестала и устремила свой взгляд на него, улыбалась, а сама рассматривала его, словно со всех сторон. И Сашка это понял. Девушка ему понравилась, вот только, видимо, кому-то не понравился он сам, из-за слишком пристального к ней внимания. И за танцевальной оградой сразу нарисовалась компания из трёх человек, которая решила проучить наглеца, решившего проводить эту самую девушку вечером до самого дома. И, как бывает в таких случаях, поводом придрататься стали спички с сигаретой, чего в карманах куртки Сашки не водилось отродясь. Он просто не курил, вот и всё. Антонина закричала на ребят, когда один из них так ударил Сашку, что тот сразу кубарем улетел на газон, так и не успев дать сдачи своему обидчику. И тут, словно из ниоткуда появился высокий парень в белой фуражке с крабом и с размаху так врезал незадачливому обидчику, что тот аналогично улетел на землю, проскользив по траве. Двое остальных попытались вместе наброситься на парня, но, получив по зубам прямо-таки боксёрским апперкотом только смогли охнуть и схватиться за свои подбородки. Они тут же, подхватив своего упавшего товарища, рванули от неизвестного в темноту улицы, лишь крикнув на ходу: «Ещё раз с ней увидим, пеняй на себя!» и троица молодых балбесов улетучилась в темноте.

Тоня склонилась над Сашей, пытаясь привести его в чувство. Парень тоже стал помогать. Вдвоём они подняли молодого человека на ноги. Тоня стала отряхивать одежду Саши, а тот лишь стоял и слегка покачивался из стороны в сторону.

– Да, сильно он тебе вмазал. Жив? Голова не болит?

– Да вроде нет. – Он поднял голову и в полумраке вечера попытался рассмотреть своего спасителя. – Спасибо тебе! Меня Сашкой зовут, а тебя? Давай знакомиться, – и он попытался улыбнуться, но скула ещё болела от удара, и протянул спасителю правую руку.

– А меня Алексей! Рад знакомству! – и он в ответ протянул свою.

Они пожали друг другу руки. Улыбнулись.

– А ты моряк? – сразу спросил Саша, подняв свой взгляд на краба, что украшал форменную фуражку.

– Почти, – усмехнулся Алексей, – помощник капитана теплохода «Виктор Талалихин».

– Это катер, что у нас по Пахре людей катает до Дубровиц?

– Ну, да. Вообще-то он теплоход, хотя вот и ты его катером назвал... – он помолчал, а потом добавил для ясности, – в Москве такие называют вообще речными трамвайчиками, но я не обижаюсь. Мне нравится по реке ходить.

Тут молчавшая до поры Антонина вдруг сказала: – А я вас узнала, мы как-то с подружкой на вашем теплоходике катались по реке. Очень даже мило было, и вы, кажется, на гитаре играли, – она благодарными глазами смотрела на Алексея, а он в ответ пытался отшутиться и лишь сразу попросил: – Ребята, у меня к вам будет

только одна просьба, – услышав это, Саша с Тоней словно по команде уставились на Лёшу, а он продолжал:

– Давайте не будем на «вы», а будем на «ты» общаться? Вы не против?

– Мы, не против! – хором ответили Саша с Тоней, и все засмеялись.

– Будем дружить?! – и Алексей снова протянул руку. Саша с удовольствием её пожал, и тут Тоня своей рукой накрыла их руки и дополнила, весело улыбаясь, словно и никакой драки уже и не было пять минут назад: – Как три мушкетёра! Один за всех – и все за одного!

Так они стали друзьями.

После той встречи, которая переросла в крепкую дружбу, прошло несколько недель. Этим вечером Саша с Лёшей договорились встретиться после работы, чтобы погулять, сходить на танцы, тем более что у Саши был какой-то вопрос к Алексею, но какой именно, он об этом не говорил, предупредил только, что Антонины с ними сегодня не будет. Лёша не стал ничего выпытывать у друга. Втроём хорошо, но только Антонина всё же больше уже склонялась к Саше в своей привязанности, и Лёша это уже начинал чувствовать. Он пока не был третьим лишним, но скоро мог им стать, хотя Антонина ему тоже нравилась, но он как-то не решался её отбить у своего нового друга. И вдруг Сашка захотел его о чём-то попросить? Странно, о чём это он? Но молчал, и Лёша понял, что Саша искал какой-то повод. И Алексей для себя решил: захочет, сам скажет.

Они шли по улице и ели мороженое. Рабочий день позади. Сашка уже успел забежать домой и переодеться после смены на заводе, а Алексей как сошел с теплохода «Талалихин» в своей форменной фуражке с крабом, так домой не поехал, а встретился с Сашкой, с которым они уже давно подружились, и расставаться им не хотелось. Медленно бродили теплым майским вечером и думали, чем бы им заняться: то ли в кино пойти, то ли чуть позже снова в парк на танцы знакомиться с девушками. А девушек Лёшка любил, как мороженое – лизнёшь, и благодать! Но тут его лирические мысли прервал голос друга, он аж вздрогнул и чуть не подавился сливочным кусочком.

– Лёшка!

– Чего? – откликнулся Алексей на возглас друга.

– Слушай, ты говорил, что знаешь тренера по боксу.

– Ну знаю. В ДК им. Лепсе, а тебе зачем?

– Хочу драться научиться.

– Ну, бокс, это не драка, пойми. Там свои правила, и просто так в жизни, боксёры не дерутся, – Лёшка был удивлён этому вопросу друга. И что на тебя нашло? Зачем тебе бокс? Кому рожу начистить захотел?

И он продолжал с удовольствием облизывать сливочное мороженое, держа пальцами за хрустящие вафли.

– Да так, просто хочу чувствовать себя защищённым в некоторых ситуациях, понимаешь меня? – и он вопрошающим взглядом уставился на друга, ища в нём поддержки.

– Это, чтобы Тоню защищать от хулиганов? – чуть усмехнулся Лёша, но, увидев решительный взгляд друга, смеяться передумал.

– Ну, хотя бы, а что, не имею права?

– Сань, ты перестань ерепениться, я всё понимаю. Ну хочешь, так хочешь, я не против. Только если тебе там нос разобьют, я в этом не виноват, ты уж прости меня. Договорились?

– Да, договорились. Пошли!

Когда Сашка приоткрыл тяжелую дверь и заглянул в спортзал, то увидел много ребят-спортсменов, которые тренировались в паре друг с другом, в боксе это называлось – спаркой. Один атаковал, другой защищался и наоборот, так ребята отрабатывали удары, и только двое находились в центре ринга за канатами, и рядом с ними был судья-рефери, а недалеко на скамейке сидел тренер и наблюдал за ребятами на ринге. Сашка сделал несколько шагов и замер, наблюдая за спортсменами. Следом за ним в зал вошел и Лёшка, которого Сашка затащил за собой, ибо один он стеснялся идти в боксёрскую секцию. Лёшка посмотрел на эти танцующие пары в боксёрских перчатках и, увидев на скамейке тренера, направился сразу к нему. Среди шума и постоянных ударов боксёров Лёшкиных шагов тренер не услышал и был немного удивлён, когда прямо перед собой увидел знакомого помощника капитана с катера «Талалихин», высокого и красивого, а потом и стоявшего за ним молодого парня в клетчатой рубашке, ниже его ростом и немного смущенного своим появлением в секции бокса. Виктор Петрович это сразу почувствовал и только удовлетворённо сказал, потирая руки: – Кого я вижу, Лёша! Какими судьбами? Ты здесь чего забыл? Это вроде не твоя епархия, – и, протянув свою мозолистую правую руку, поздоровался с Лёшей.

– Да вот, с другом зашли в твои пенаты. Полюбоваться на твоих орлов! Против не будешь?

– Для тебя, всегда пожалуйста! Не уж-то сам решил заняться боксом? А что, у тебя рост позволяет! И фигура подходящая, – он похлопал Лёшу по плечу и осмотрел его с головы до ног. Ну ка, встань в стойку, я посмотрю на тебя со стороны, – тренер ходил вокруг него и обдумывал, как лучше использовать такого новичка, но тут вдруг Алексей, словно отстранился в сторону и, показывая рукой на своего товарища, произнёс: – Что вы, Виктор Петрович, я совсем не по этому вопросу.

– Не понял? – удивился тот и остановился, внимательно посмотрев на Алексея.

– Я вот друга привёл, Александром звать, – Лёша взял друга за плечи и придвинул его к тренеру. Сашка послушно сделал пару шагов в сторону тренера и замер. Тот был крепким мужчиной, лет пятидесяти, коренастым, с короткой стрижкой на голове, в просторечии названной «ёжиком», тем более сам ещё до войны занимался боксом, был чемпионом города и потому сейчас спокойно так осмотрел маленького парня удивлённым взглядом и снова посмотрел на Лёшу, а тот, словно ничего не заметив, продолжал:

– Вот он как раз хочет попробовать себя в этом виде спорта, а то ему явно решительности не хватает в определённых ситуациях. Так что, сами понимаете, вам и карты в руки, чтобы проверить его, так сказать, годится он стать боксёром или нет. Поможете? – и вопросительно взглянул на Виктора Петровича, ожидая от него хоть какого-то ответа. Тот посмотрел на Сашу, взял его рукой за подбородок, повертел то в одну, то в другую сторону и сказал: – Сделай вот так, стань в стойку, – и показал ему, как надо было встать и занять боксёрскую позицию. Саша повторил и встал так же, держа кулаки перед лицом.

– Хочешь себя попробовать, да? – решительно спросил тренер и ткнул своей рукой в его кулак.

– Хочу! А можно?

– На ринг рвёшься? А не боишься?

– Когда-то надо начинать! – у Сашки появилась какая-то молодецкая удаль и уверенность в себе.

Тренер даже немного удивился, но не придавал решающего значения его словам и, словно поддержав его, добавил: – Ну что ж, давай попробуем! Лиха беда начала. Одевай перчатки и на ринг. Пару ударов я тебе покажу, а там посмотрим, на что ты годишься, – Виктор Петрович улыбнулся такому напору парня и потер пальцами свой большой нос. – Паша, дай свои перчатки на время молодому человеку, – обратился он к одному из бойцов, который бился в спарке со своим партнером у самого ринга.

Ребята остановились, услышав призыв тренера, и молодой человек, подойдя к стоящим, стал стягивать с себя перчатки, протянув одну руку тренеру, чтобы тот помог развязать шнуровку, иначе перчатку было не снять. Саша смотрел на эти действия зачарованными глазами, ему уже виделись победные бои и поднятая вверх рефери его рука. Боксёр подошел к Александру и стал помогать одевать ему перчатки. И уже через минуту Сашка стоял посреди ринга, и Виктор Петрович показывал ему, как правильно надо бить и как защищаться в бою. Сашка утвердительно кивал головой, и чувствовалось, как он рвался в бой, доказать свою смелость, которой ему так подчас не хватало в критических ситуациях. В напарники тренер поставил опытного бойца, попросив его не сильно боксировать, ибо молодой человек только пришёл в секцию, а всего лишь устроить ему показательный бой. Парень махнул в знак согласия головой и занял позицию. Виктор Петрович выполнял роль рефери. Сашка был готов сражаться на равных.

– Готовы? – обратился тренер к бойцам, и те только утвердительно махнули головами. Все ребята, что присутствовали в зале, оставили свои поединки и стали наблюдать за новичком.

– Бой! – громко сказал тренер и отскочил в сторону. Сашка сразу ринулся в бой на своего соперника, махая кулаками в перчатках и лупя чуть ли не со всей силы по перчаткам своего соперника. Боец спокойно отбивал плоские удары, которые ему не грозили никакой опасностью, и легко стал наносить ответные удары, которые не доходили до груди молодого парня, а застревали в тех же перчатках. Сашка чувствовал, что напарник не хочет с ним бороться в полную силу, и пошёл вперёд, нанося много ударов подряд, но парень отскочил в сторону, и Сашка словно провалился вперёд, вдруг получив снизу резкий удар в лицо. Перчатка соперника просвистела вскользь его перчаток, и он только успел понять, что его по голове что-то резко ударило, и впал словно в забытьё, а наблюдавшие за боем только и успели увидеть, как боец нанёс Сашке быстрый нокаутирующий удар снизу, и парень словно подкошенный, по какой-то дуге, пролетел по воздуху и рухнул на ринг, потеряв сознание. Лёшка метнулся к рингу, стараясь помочь другу, но ребята его остановили. Виктор Петрович резко бросился к парню и отогнал бойца в сторону.

– Ты с ума сошел, так его бить? – он крикнул парню, но тот от растерянности сам стоял словно не свой и не сводил удивлённого взгляда с лежащего на ринге парня. Схватив с каната мокрое полотенце, Виктор Петрович стал обтирать лицо Сашки и махать им, как веером, пытаясь привести его в сознание. Лёшка, всё же оттолкнув ребят, быстро забрался на ринг и наклонился над другом: – Сашка, ты живой? Ну ты даешь, парень, – и он посмотрел на бойца немигающим взглядом, но без злости, понимая, что тот видно сам этого не ожидал, – он же первый раз в жизни боксёрские перчатки одел, а ты ему так врезал.

– Да я не нарочно! Он сам полез, махая, а я по инерции ударил снизу. Удар то был вроде не сильный! – парень стоял и потирал перчаткой свой нос, который явно чесался, после такого короткого боя.

– Ситуация, как у меня в тридцать девятом на первенстве города, – начал изда-лека Виктор Петрович, смотря на лежащего Сашку. Лёшка его пытался потормо-шить, но тот вдруг приоткрыл глаза и увидел перед собой друга, что склонился над ним.

– Ну, наконец-то, – вздохнул Алексей и похлопал Сашку по щеке. – Раз глаза открыл, то будет жить! Встать сможешь, или тебе помощь медиков нужна?

– Руку дай! – тихо произнёс Сашка и попытался улыбнуться. – Кажется, я поте-рял сознание?

– Ага, после катапульты! Летел так красиво, хоть в кино снимай! – Лёшка явно ёрничал, чтобы хоть как-то смягчить атмосферу после такого удара, которого он явно не ожидал, придя в спортзал, чтобы проверить себя. Проверил.

– Сорок пять секунд, словно тот бой у меня сейчас перед глазами пролетел, – стал вспоминать Виктор Петрович. – Тогда народу собралось, море просто, все ждали финальный поединок. Как-никак первенство города! Красивого боя ждали, вы понимаете, ребята! А у меня тогда точно такая же ситуация сложилась, вот как сейчас, тоже рванулся на меня, ну я снизу и врезал. Слышал только свист перчатки по коже и удар, и всё! Даже не поверите, всего сорок пять секунд боя, и всё! Всё! Я его нокаутом уложил на ринг. Мне потом все говорили, что соперник, словно в замед-ленной киносъёмке, летел медленно на ринг. Потом только грохот упавшего тела, а я так же стоял как вкопанный и молчал! Зрители в зале просто взревели от дикого вос-торга! Некоторые, конечно, негодовали, ну ещё бы, пришли на финальный бой, а тут, на тебе, каких-то сорок пять секунд, и всё – бой закончился! Никто тогда не ожи-дал, что так получится, ни я сам, ни мой соперник. Ведь так хотелось посмотреть, но вы знаете, что именно нокаут спас мне жизнь в одном бою, – он немного помол-чал, словно дух переводил, и продолжил, – только этот бой был во время войны. И тут все притихли. Сашка стоял на ногах словно пьяный и всё потирал разбитый нос и виски, чтобы боль быстрее прошла, но также слушал тренера, как и все ребята. Они уже сплотились вокруг Петровича и внимательно слушали его историю, кото-рую он раньше никогда не рассказывал.

– Это как это, во время войны? – удивился Алексей, не понимая ещё что под-разумевал под этим словом тренер, его старый знакомый, с которым он однажды подружился во время прогулки на катере, когда тот сидел один на скамейке и что-то вспоминал, смотря в одну точку, как показалось тогда Алексею.

– Это было во время рукопашной атаки подо Ржевом. Мясорубка там страшная была. В одном бою мы то наступали, то откатывались назад и вот уже под вечер, когда казалось, ничего не получится, плюнув на всё, рванули к немецким окопам, типа погибать, так с музыкой, орали что есть мочи, и тут выскочил прямо на меня один немец с карабином на перевес, и я только успел винтовкой отбить его кара-бин в сторону, да так, что моя винтовка улетела в другую сторону, так что мы даже не успели выстрелить. И тогда я по инерции, практически автоматически так врезал ему снизу в челюсть, что у немца, видно, сразу потемнело в глазах, и глухая безлунная ночь опустилась над ним, так что он, словно мешок с картошкой, полетел на землю, в полёте лишь успев как-то непонятно хрюкнуть и замолкнуть на очень длительное время, до тех пор, пока его не подобрала после боя похоронная команда наших, уви-дев, что унтер не покойник, а раз кряхтит – значит, живой!

Виктор Петрович закончил свой необычный рассказ. И тут все ребята зааплодировали своему тренеру, ставшему в один миг ещё и военным героем для них.

– Ну, Саша, пришёл в себя? – он потряс парня за плечо, смотря ему в глаза. Ты только не обижайся за этот удар, хорошо. Он же не нарочно! Ничего, шрамы украшают мужчин! – и похлопал его по плечу. Ничего, до свадьбы заживёт!

И все ребята по-дружески засмеялись. – Бывает! – только и сказал виновник «торжества», протягивая Сашке свою мускулистую руку уже без перчатки.

– Ну как, будешь у нас заниматься? – Виктор Петрович усмехнулся, смотря на Сашу, но тот сделал какое-то непонятное движение головой и тихо произнёс:

– Я подумаю! Спасибо! – он продолжал чесать свой нос и щёку, которая ещё горела после такого мощного удара.

– Я думаю, на сегодня хватит, – попробовал поддержать его Лёшка и, взяв друга за плечи, повел его на выход из зала, обернувшись, он сказал тренеру:

– Всё будет хорошо, Виктор Петрович! Спасибо вам!

Тот лишь в ответ кивнул головой и слегка улыбнулся, глядя им вслед.

– Не, я лучше в театральную студию пойду. «Там, хоть по морде бить не будут!», – сказал Сашка, не смотря Лёшке в глаза, и стал снова потирать фингал под глазом. – Сильный? – только и смог он спросить друга.

– Во! – Лёшка показал большой палец, подняв его вверх, – То, что надо! Его как раз там тебе и загримируют. Будешь огурчиком хрустящим, а не малосольным, – и вдруг рассмеялся от души.

Сашка только ехидно сам себе усмехнулся и поплелся по коридору. Лёшка обхватил его за плечи и пошел рядом с ним. Друзья всегда идут по жизни вместе, так уготовано судьбой!

И пошли они через служебный вход на второй этаж, где располагалась театральная студия: ну не бросать же друга, решил Лёшка, раз такой случай подвернулся, тем более он сам и на гитаре играл и пел, да и танцевать любил, а вдруг и это там пригодится? Сашка хочет, а я чем хуже? Чем чёрт не шутит – а может, во мне артист пропадает... – ухмыльнулся он, критически относясь к своим талантам. Ну не отступать же? Играть, так уж играть до конца, тем более, всем девчонкам нравится, как он играет и поёт под гитару. Кто там сказал, что искусство требует жертв? Это неважно. Вот и я так думаю, с Сашкой нам будет проще. И Лёшка решительным шагом подошёл к тяжёлой двери, распахнул её, и они оказались, как говорят в таких случаях, на пороге храма искусств – театральной студии оперетты: «Вот только водевиля в мой жизни не хватало!» – в глубине большого зала, где располагалась студия оперетты, среди других участников Алексей увидел Антонину. «Театр начинается!» – не успел он подумать, как за спиной захлопнулась тяжёлая дверь.

Глава 5. На теплоходе музыка играет

После работы Сергей практически каждый вечер торчал в сарае, который стал автомобильным гаражом для старенького «Москвича». Он решил его полностью восстановить, и, как любому молодому человеку, ему виделись в его мечтаниях дальние путешествия. Как это замечательно, быть свободным и независимым в своих желаниях, не зависеть ни от городского, ни от железнодорожного транспорта – сел и поехал, куда твоя душа желает! И не надо никаких билетов. Залил бензин, и вот перед тобой дорога – по всей стране накручивай хоть тысячи километров! Ему часто виделось, как они с тётёй уезжают куда-нибудь, по древним городам, или к примеру, с палаткой на Селигер или Валдай! Романтика путешествий манила его, и ему уже хотелось как можно быстрее закончить ремонт. Но даже при всём своём желании за несколько дней сделать это было практически нереально. Машина несколько лет простояла в гараже, и теперь приходилось не просто её перебирать по частям, а, что называется, вдыхать в неё новую жизнь. Особенно трудно было сразу заменить все прокладки. С резиновыми изделиями были определённые сложности, и Сергею пришлось приложить не только магию своего таланта в ремонте, но и поднять нужные связи, поехать по автомагазинам и раздобыть недостающие детали и запчасти. Через пару недель он сам уже ходил вокруг неё довольный, протирал тряпочкой и надеялся в ближайшее время вывести свою антилопу из сумрака домашнего гаража на светлые и солнечные городские просторы, чтобы с ветерком и открытым верхом, в кабриолете, почти как в заграничном кино, прокатиться в своё удовольствие по зелёным улицам уже ставшего ему родным города. Это были хоть и близкие, но всё же пока мечты, которые чем быстрее, тем лучше, надо было воплощать в реальность.

Большая электрическая лампа, что висела под самым потолком, освещала почти весь сарай, что было даже очень удобно, особенно когда приходилось заглядывать в отдалённые уголки, ища и порой даже сразу находя какую-либо деталь, а другая лампа освещала рабочий стол, за которым Сергей и занимался ремонтом мелких деталей. Вокруг лежали разные инструменты и отвертки, нож, и бывшая консервная банка, приспособленная для разных мелких винтиков, чтобы они никуда не могли закатиться.

В этот спокойный вечер он прочищал карбюратор, бубнил про себя какую-то мелодию, когда в сарай зашла любимая тётя и, посмотрев на Сергея, а он уже который день не вылезал на белый свет, предложила ему передохнуть:

– Серёж, ты бы отдохнул. Ну что ты прям каждый божий день здесь торчишь после работы, света белого совсем не видишь! Ты вроде собирался на «Талалихине» по Пахре прокатиться до Дубровиц. Сам отдохни, на людей посмотри. А то весь в работе: то на фабрике, то дома, что называется, ни сна, ни отдыха, – она обошла машину и подошла к нему.

Он поднял голову, слегка ей улыбнулся, хмыкнул, словно соглашаясь с ней, и совсем просто ответил:

– Тётъ Свет, да успею я ещё. Вот с машиной закончу и обязательно на теплоходе прокачусь.

Он продолжал ковыряться с карбюратором, лишь изредка поднимая глаза на тётю. Светлана Петровна покачала головой.

– Иди лучше блинчиков со сметанкой поешь, молочком запьёшь, переоденься, и, действительно, отдохни, а то мне уже жалко, совсем себя не бережёшь!

Светлана Петровна склонилась над ним, и тут уже Сергей понял, что она от него так просто не отстанет, тем более что блины остынут, если он сейчас не пойдет на кухню. Обижать свою родную тётю в его планы как-то не входило. Да и зачем? И как умный и послушный племянник отложил в сторону прочищенный карбюратор, понимая, что сегодня он его уже не поставит на двигатель и не опробует, работает штука или нет. Хорошо, завтра заведём автомобиль!

– Тётъ Свет, ты кого хочешь уговоришь! – Сергей улыбнулся и двинулся в дом вслед за любимой тётей.

– В конце концов, у молодого человека после работы должны быть какие-нибудь развлечения или нет? Или ему надо только каждый день сидеть в сарае и ремонтировать машину?

– Развлечения, это, конечно, хорошо! – согласился Сергей.

– Вон, посмотри какая красота! – и, выйдя из сарая, она головой показала на Пахру, ведь она текла, можно сказать, сразу за забором, внизу, и поэтому с пригорка открывался замечательный вид не только на речку, но и на большое поле слева на противоположном берегу и на холмистую, почти прямо напротив дома местность. Вид был действительно очень красивый, и, что самое примечательное, как раз в это время по тихой реке, не спеша, как рабочий после трудовой смены, плыл в сторону Дубровиц речной теплоход, белый красавец «Виктор Талалихин», и было слышно, как из громкоговорителя звучала музыка. Пассажиров было немного, кто-то сидел в салоне нижней палубы и смотрел из окна на пробегающую за бортом воду, а кто-то, наоборот, устроившись на верхней палубе и слушая музыку, любовался местными пейзажами.

Любовался этой картиной и Сергей, попутно думая, что делать дальше, и в итоге пришёл к однозначному выводу:

– Даже очень мило, тем более на теплоходе музыка играет! Замечательно! Пожалуй, прокачусь-ка я туда и обратно, немного развеюсь, подышу речным воздухом.

– Вот и правильно! – поддержала его Светлана Петровна. – Вот и хорошо! А то всё один да один. Так и бирюком можно стать. Ты же не старый мужик, а молодой парень! – она его стала подбадривать. – Вон девчонок сколько в городе, и на теплоходе они постоянно катаются, глядишь, и познакомишься с кем-нибудь.

И тут он даже усмехнулся и потёр пальцем свой нос:

– Да я особо не тороплюсь. Раз не встретишься девушка в моём окружении, значит ещё время не пришло, или она просто ещё не появилась на моём горизонте, только и всего. Она меня должна сразить чем-то необычным! Обычных мне каждый день и на работе хватает!

– А что, у вас на фабрике совсем девчат нет, – удивилась Светлана Петровна. – Ты вроде говорил, что там у вас не только зрелые женщины работают, но и девчонки молодые есть.

– А где их нет? Они везде! Хоть на работе, хоть в кино. Но как-то я пока никого для себя не приметил, – Сергей смотрел на удаляющийся по реке теплоход, где на верхней палубе он отчётливо увидел нескольких сидящих парней и девушек. «Влюблённые парочки», – подумал он. – Обнимаются, незаметно целуются, а потом, наверное, в парк на танцы махнут». Ладно, тётъ Свет, уговорила ты меня. Так и быть, сделаем небольшой перерывчик. Жизнь не стоит на месте, а постоянно движется вперёд!

Тут даже Светлана Петровна слегка задумалась.

– Не заметил. Оно, может, и так. Но если будешь после работы только дома сидеть, разве кого увидишь? А девчонки, сам знаешь, любят, когда за ними ухаживают, от этого они только больше расцветают! Им же забота нужна, не мне тебя учить, дорогой мой Серёжа!

– Что правда, то правда. Да я всё понимаю. Видно, я пока не открыл ещё ту дверь, за которой меня будет ждать моя судьба!

– Получается, ты живёшь по другим правилам! Судьба твоя за дверью ждёт тебя, а ты пока не знаешь, где эта улица, где эта дверь твоя, так что ли?

– Видимо, так! Пока сердце не ёкнуло, значит, мимо прошла, или я мимо прошёл, а, может, мы пока и сами не знаем, где нас ждёт эта встреча, за каким поворотом. Жизнь – такая сложная штука, это я ещё там, в Сибири понял!

– Серёж, тебе никто не говорил, что ты философ? – тётя оглянулась и посмотрела Сергею в глаза. Её взгляд был добрым, без тени ехидства. За это он и ценил Светлану Петровну, что она к нему относилась, как к родному сыну, и никогда специально не давила на него. А это так, разминка для души, ведь сколько лет уже Сергею, а он был не женат. Годы-то бегут. Молодость – такое свойство странное и необычное, что, когда она пролетает, только тут ты и замечаешь, что вроде вот она была где-то рядом, крутилась под ногами, тянулись дни за днями, а ты всё мечтал стать побыстрее взрослым. А когда вдруг стал им, то сразу обнаружил, что школа и институт с армией уже позади, и вокруг тебя полно твоих ровесников семейных, своих детей растят, а ты вроде как один. И только крутишь головой, а на примете никого! Обидно? Бывает и обидно! А что поделаешь, если той единственной рядом пока нет, и даже не предвидится? И вроде на работе девчонки есть и даже неплохие, и симпатичные, и не рябые. Вот только той, кто мне нужна, пока не вижу я, друзья! – сказал бы так поэт, но я ведь не поэт? Нужна мне та, кто сердце не оставит равнодушным, и с кем я сам быть захочу, и в этом я не промолчу!

Сергей сидел на веранде, в дом ему совсем не хотелось идти, и тётя Света принесла ему блины со сметаной сюда. Ему так хорошо размышлялось в тот момент, пока он навёртывал один блин за другим, да ещё с таким аппетитом, словно в жизни своей он сроду не едал ничего более вкусного!

И странно, но тётя его совсем не донимала вопросами. Видно, она всё уже поняла из его пространных ответов, так что пусть поест от души и пойдёт погулять, да на теплоходе покатается. Она молчала. Специально больше ничего не стала говорить Сергею, чтобы не надоедать ему на эту тему. И Сергей это оценил. Покушав, он поблагодарил тётю за вкусные блины и пошёл переодеваться.

– Ты только курточку не забудь одеть на всякий случай, а то вечером на реке бывает прохладно!

– Намёк понял! Конечно, возьму с собой! – услышала она в ответ.

В тонкой кожаной куртке, в рубашке в полоску и темно-серых брюках он смотрелся очень даже модно. Тем более что не все могли похвастаться такой симпатичной курточкой, как была у него, а чёрные блестящие ботинки сверкали начищенными боками. Он шел берегом Пахры по натоптанной тропинке, прямо к мосту, где была остановка речного катера. Так его звали многие горожане, хотя это и был речной теплоход, построенный специально для малых рек страны. Он чем-то напоминал Сергею известные московские речные трамвайчики «Москвич», которые бороздили по Москве-реке десятками, а вот здесь был всего один такой пароходик на весь город. Может, это и замечательно! Видимо, в этом и была своя изюминка! Да и где тут было развернуться нескольким таким катерам, а точнее теплоходам? Им места

точно не хватило бы. Тем более подольчане любили своего «Виктора Талалихина». Там было уютно и комфортно. Хочешь сиди внизу, как в кают-компании, и любуйся из большого окна речной гладью реки и расходящимися до самого берега волнами, на которых так часто любили качаться мальчишки, купаясь в реке. Но ещё круче было сделать это на лодке. А если хочешь наслаждаться всей красотой реки и природой – пожалуйста на верхнюю палубу, на скамейки любви. Молодые парочки обожали эти места, особенно вечерами, когда под пиджаком или курткой можно было обогреть свою любимую девушку.

И когда Сергей вблизи увидел этот белый теплоход, с палубами наверху, он как-то сразу, в один миг влюбился в него, машинально отметив про себя, что теплоход был намного короче московских трамвайчиков. Метра на четыре, прикинул он опытным глазом. И когда теплоход остановился и некоторые парочки сошли на берег, Сергей сразу по деревянному настилу зашёл на нижнюю палубу и, оплатив проезд, тут же поднялся на верхнюю, прошёл мимо рубки капитана и обратил внимание, что за штурвалом стоял молодой симпатичный парень в лихо сидящей на затылке форменной фуражке с крабом, и сел на пустующую скамейку справа по ходу. Отчалив, пароход медленно проплыл под арочным мостом, оставляя справа от себя лодочную станцию у самого кинотеатра «Художественный».

Вечерело, но солнце ещё не зашло за горизонт, и поэтому было очень светло, но основная масса лодок уже стояла на приколе, и лишь одиночные плавали по реке, в которых кавалеры катали своих любимых дам. Романтическая картина рисовалась сама собой. У Сергея было хорошее настроение, он отбросил все посторонние мысли и решил просто, для души, наслаждаться природой и отличным пейзажем.

Впереди от него, через скамейку сидела девушка с каштановыми волосами, ещё справа и слева, обнявшись, о чём-то шептались влюблённые парочки. И тут Сергей обратил внимание, что ветерок действительно хоть и был приятным, но чувствовалось, что наступал вечер, и куртку ему тётя не зря посоветовала. Парень с девушкой, что сидели перед ним, укрылись пиджаком кавалера, а кто-то заранее надел на себя тёплый джемпер, чтобы не мёрзнуть вечером. Девушка с каштановыми волосами была в светлом платье с какими-то цветочками, но он не разобрал, и с рукавами-воланчиками. И чувствовалось, что ей было тепло и комфортно. Из громкоговорителя звучала джазовая музыка, и звуки саксофона расплывались над рекой. Сергей обратил также внимание, что, кроме молодого парня за штурвалом, рядом стоял явно старше по возрасту мужчина в фуражке. «Видно, капитан судна», – подумал Сергей, – а это, наверное, его молодой помощник». Парень ему понравился. Выше среднего роста, симпатичный. Прижавшись к перилам, Сергей немного развернулся назад и посмотрел в сторону рулевого, который уверенно держал в руках штурвал этого маленького речного судна, и видно было, что он был горд самим собой, своей работой, и то, что он плывёт по реке и получает от этого удовольствие не только сам, но надеется, что и все его пассажиры. Оценив парня, Сергей вернулся в исходное положение и стал смотреть по берегам реки, которая сразу за речной пристанью делала левый поворот, и, по местным меркам, выглядела достаточно широкой. Справа же начинался очень крутой берег, весь испещрённый каменистыми полосками жёлтого цвета. Это был знаменитый камень-песчаник, кое-где заросший на склоне травой и мелкими кустарниками. Тётя говорила, что наверху находится городской парк с танцевальной верандой, но Сергей так до сих пор туда не смог выбраться. Всё некогда было. То работа, то создание новых моделей одежды, то ремонт «москвича». «Да, тётя опять была права, надо выбираться

в город. Так и быть, сегодня проведу вечер на теплоходе, проплыву до плотины и обратно до самых Дубровиц, и на сегодня будет более чем достаточно».

Он сидел и любовался берегами, потом увидел знаменитую на весь Подольск Зелёную эстраду, правда, сам амфитеатр он видеть не мог – было слишком высоко, но даже задняя стенка эстрады его впечатлила. Слева по ходу течения берег, наоборот, был низким и весь в зарослях кустарников и ветвистых ив. С верхней палубы можно было слева увидеть даже Варшавское шоссе, которое вело не только в Москву, но и в знаменитый на всю округу район Красной горки. Приятно было плыть по реке, на таком речном трамвайчике. Благодать. Слева виднелись садовые участки и маленькие дачные домики, зато справа уже появились высокие сосны, и берег тоже стал низким, и Сергей увидел спасательную станцию. Он сразу догадался, что это была именно она, ибо рядом с пристанью были пришвартованы спасательные катера. И тут вдруг из-за поворота, видимо, от самой плотины, догадался Сергей, появилась на воде быстроходная моторная лодка, которая, рассекая воду задраным мысом, тянула за собой спортсмена на водных лыжах. Это было изумительное зрелище. «Как здорово!» – подумал он. – Не знал, что здесь занимаются водными лыжами. Надо будет поинтересоваться. Это интересно!».

Так незаметно для Сергея катер подплыл к сосновому бору в нижнем парке, где он увидел много играющих и катающихся на качелях детей. Про детский парк ему тётя рассказывала, и вот теперь он увидел его воочию. Катер сделал остановку, высадил одних пассажиров и, приняв на борт других, отдав швартовы, проплыл немного вперёд и стал медленно разворачиваться на широком у плотины русле реки. Саму плотину Сергей особо рассмотреть не смог, всё-таки она была немного далеко от теплохода, но общие очертания увидел. Теплоход развернулся и снова направился в сторону арочного моста. Пара, что сидела сразу перед ним, вышла, и Сергей смог спокойно рассмотреть, правда, только со спины, молодую девушку. Ее каштановые волосы показались ему почему-то очень знакомыми, но лица он не видел, поэтому гадать не стал. И только тут он обратил внимание, что постоянно звучавшая музыка затихла, и вдруг раздались гитарные переборы. Сергей оглянулся на звук и увидел, как помощник капитана, этот молодой красавец, с гитарой в руках прошёл вперёд и уселся на ту самую скамейку, на которой сидела девушка с каштановыми волосами.

– Привет! Тебя Петрович освободил? Будешь петь? – девушка повернулась к парню вполборота, и Сергей увидел знакомые черты лица, но до конца не был уверен в своей догадке, кто сидел впереди него.

– А ты хочешь, чтоб я спел или просто поиграл на гитаре? – не называя имени, спросил парень девушку.

– Поиграй пока просто так! Мне нравится, как ты играешь на гитаре!

Её томный голос показался Сергею очень знакомым.

– И что тебе сыграть, моя отрада? – парень был явно расположен к девушке, которую он уже, видимо, хорошо знал, и пытался завоевать её признание, поэтому и интересовался её мнением.

– А что хочешь, всё равно! У меня сегодня прекрасное настроение, и я совсем не хочу, чтобы оно испортилось, – и девушка весело засмеялась. – Играй моряк! Ты волк речной, разбереди мне душу! Я совсем не хочу скучать! Я хочу сегодня только мечтать!

И довольная собой, она раскинула руки в стороны, как чайка крылья над волнами, готовая парить над речной гладью.

– Мечтают влюблённые, Света! – и тут парень назвал девушку по имени.

– Вот и прекрасно, Лёша! Считай, что я сегодня самая влюблённая девушка на свете! – Ей явно было очень весело. Это даже Сергей заметил. Но Светлана не поворачивала голову в сторону Алексея и всё продолжала смотреть вперёд перед собой. Теплоход уже приближался к мосту, а Сергей так и не мог пока понять, где он слышал подобный голос. Возможно, на работе. Но здесь, на реке, он звучал совсем по-другому, не так, как звучали голоса всех девушек и женщин в цеху фабрики, где работало много разных машин, и звучали они напряжённо, и часто выше, почти как крик, не то что, как в обычной жизни. И, когда катер скрылся под тенью моста, она повернулась в сторону помощника капитана и, кажется, успела его чмокнуть в щеку. На секунду прервался звук гитары, Сергей попытался разглядеть лицо девушки, но полумрак под мостом не позволил этого сделать. А за мостом теплоход снова сделал небольшую остановку, хватило нескольких минут, и снова кто-то покинул катер, а кто-то, наоборот, поднялся, чтобы вечером прокатиться по реке и получить массу удовольствия, а кто-то и просто после работы на катере возвращался домой в деревню Беляево, что стояла на противоположном берегу от соснового бора в Дубровицах, за которым уже начали строить новый санаторий «Ерино», так писали в газетах.

Теплоход набирал ход, Алексей заиграл на гитаре, и вдруг девушка встала и подошла к краю перил на носу катера. А впереди уже красное солнце клонилось к закату, и вот этот самый прекрасный закат с переливами перистых облаков заливал всё небо над рекой, превращая его в огромный океан с отражением в речной глади реки. Чарующе красиво, словно картина неизвестного художника-импрессиониста с одними тёплыми тонами красок. И вот на этом фоне – красивый женский силуэт. Взгляд девушки устремлен вперёд, туда, где светит солнце, где вода сливается с небом, где-то там находится мечта каждого человека, к которой он или она всегда стремятся. Она держалась двумя руками за эти тонкие периллы и тут вдруг поняла, что ей хочется летать, как птице над рекой, махать руками, как крыльями, и слышать песню. И, конечно, это песня должна быть или про море, или про любовь! Только так, и никак иначе!

– Лёша, дорогой! Спой мне песню о любви и море? Сможешь? Уверена, что ты знаешь много песен!

– Свет, да для тебя любую, какую захочешь! – и, сидя на скамейке, он стал подбирать мелодию, и уже через несколько секунд над рекой раздался красивый тенор. Он пел про море, и Сергей узнал эту песню, её в последнее время часто крутили по радио в исполнении Жака Дуваляна. Да, точно, Сергей вспомнил эту песню, он слышал её уже пару раз из приемника, когда в сарае чинил машину. Точно, и называется она «Здравствуй, море». У Алексея очень хорошо получалось, жаль, что здесь не было саксофона, но под гитару она звучала очень колоритно, тем более с такими прекрасными словами в припеве: «Здравствуй, море, здравствуй, солнце, здравствуй ветер!» Песня была очень ритмичная, и Алексей быстро перебирал струны на гитаре. Но, видно, потом ему надоело сидеть на скамейке, и вскочив, он стал пританцовывать на палубе прямо во время пения. Однако Светлана стояла лицом к солнцу и никак не поворачивалась к Алексею. А он пел, он играл, он танцевал, и, наконец, Светлана повернулась к нему лицом, а он всё продолжал петь, и своей широкой спиной перегородил Сергею весь вид. И только после того, как Алексей, закончив песню, довольный уселся на скамейку, отложив гитару в сторону, Сергей смог рассмотреть лицо таинственной незнакомки. Она ему явно кого-то напоминала, но вот кого, он не мог понять. Лицо девушки было очень похоже на одну бригадиршу с фабрики, но та вечно по цеху ходила в платке, и пышных волос её не было

видно. Этакая серая мышка, как окрестил её Сергей, когда увидел впервые на фабрике. А тут перед ним стояла молодая, красивая девушка с прекрасной шевелюрой каштановых волос. А какие серые глаза! Он даже изумился.

– Спасибо, Лёша! Это было замечательно! Я так замечталась, что ничего не видела вокруг, только солнце, закат и песню слушала. У меня сегодня такое хорошее настроение! – снова повторила она, и взгляд её упал на сидящего недалеко молодого человека, и от неожиданности она вдруг вскрикнула: – Ой! – и тут же спохватилась.

– Ты чего, Свет? Что случилось? – привскочил Алексей, не понимая, чего она вскрикнула.

– Извини, Лёша! – и вдруг словно чего-то испугавшись, она специально посмотрела на то место, где, как ей только что показалось, а может и нет, что кто-то сидит и смотрит на неё, но там уже никого не было. Она даже покрутила головой, пытаясь понять, померещилось ей или нет.

– Странно, – тихо сама себе сказала она и посмотрела на Алексея таким недоумённым взглядом.

– Тут уже не выдержал Алексей и спросил: – Так что случилось, Свет?

– Не знаю, мне показалось, что я увидела нашего модельера-конструктора с фабрики, он там вроде сидел, а сейчас его нет.

– С фабрики? Ты уверена? А чего ты тогда испугалась?

– Мне кажется, он меня узнал!

– Ну и что? – удивился Алексей. – Что из того?

– Просто он меня такой ещё не видел, а на работе я всегда в платке хожу.

– Ну и что? – не унимался Алексей, – и что такого, я не могу понять? Может, он просто на нижнюю палубу спустился, только и всего.

– Может быть! Я просто здесь его сегодня не ожидала увидеть.

– А может, тебе просто показалось, Свет?

– Может быть! Не знаю.

– А ты чего, его боишься? Он что, очень строгий? Насколько я запомнил, он парень тоже молодой! И что, он уже такую должность на фабрике занимает?

– Да, он главный. Он все новые модели придумывает. Не знаю, я пока не видела, но слышала, что директор его очень хвалит. Говорит, толковый очень!

– А ты что, на работе с ним совсем не пересекаешься?

– Да как-то особо нет. Он же всё-таки начальство, а я бригадир, больше с начальником цеха общаюсь.

– Ну и что из этого? Не понимаю, чего ты так переполошилась?

– Сама не знаю!

Она смотрела на Алексея каким-то застывшим взглядом и сама не могла понять, почему её это взволновало. Не успела она об этом подумать, как молодой человек вернулся на палубу. И тут Светлана узнала Сергея Петровича. Это был точно он.

А Сергей бодрым шагом подошел к Алексею и поздоровался:

– Привет! Красиво поёшь, парень! Мне очень понравилось! Меня Сергей зовут, а вас как? – и он обратил внимание, как Света смотрит на него, выжидая, узнает он её или нет.

– А меня Алексей! Спасибо. Я рад, если вам понравилось, как я пою!

– Молодец! Так держать! У вас красивый голос! – Сергей похвалил Лёшу и стал смотреть на Свету. Но та лишь смутилась и тихо произнесла:

– Света! – и вдруг так же тихо добавила: – А вы меня разве не узнали, Сергей Петрович?

– Откуда вы знаете моё имя отчество? – Сергей сделал вид, что не узнал:

– А мы разве знакомы? Что-то я вас не узнаю.

– Да? Странно, а мы ведь с вами на одной фабрике работаем, и я вас знаю. Вы Николаев Сергей Петрович, инженер-конструктор, модельер, а я бригадир Светлана Половинкина. Теперь узнали?

Сергей долго смотрел на Светлану и не мог ничего понять. Перед ним стояла красивая девушка, а вот та, что была бригадиром, совсем не была на нее похожа. Серая мышка, и серая мышка, по-другому и не скажешь. Можно сказать, что он был обескуражен таким перевоплощением девушки.

– Очень приятно! Если честно, то не узнал! Вы там совсем другая, не такая, как сейчас.

– А какая я сейчас? – она чуть вздернула носиком, явно напрашиваясь на комплимент, продолжая дерзким взглядом, не терпящим возражений, смотреть на Сергея.

– Красивая! – подчеркнул Сергей и улыбнулся. Он знал, чего она от него ждала.

– Да, Света у нас девушка красивая! – поддержал Алексей и стал перебирать струны гитары, поглядывая на нового кавалера, который появился здесь на палубе, словно из преисподней. Так это было неожиданно. Алексей уже подумал, что придётся ревновать к новенькому, но тот словно седьмым чувством узнал о его намерениях и стал смотреть в сторону, а не на Светлану.

Теплоход тем временем проплывал снова мимо дома любимой тёти, и Сергей машинально глянул и неожиданно для себя, увидел её, стоящую у забора. Она, издали увидев своего любимого племянника, помахала ему рукой, и он тоже самое сделал ей в ответ. Сергей мысленно её благодарил, что она натолкнула его на идею прокатится вечером по реке на теплоходе. Мало ли чего в жизни не бывает, но Света ему понравилась, хотя он и понимал, что и Алексею нравится эта девушка, иначе бы он не стал ей петь песни и играть на гитаре. В таких девушек красивые парни всегда влюбляются, а то, что Алексей был красивым парнем, даже говорить не стоило. Но больше всего его поразили, конечно, волосы Светланы. Шикарная копна каштановых волос! Вот тебе и серая мышка на производстве. Бывает же в жизни такое!

Глава 6. Репетиция оперетты в театральной студии

Ещё в первый раз, когда Алексей привёл в студию Сашку, Владимир Петрович, колоритный мужчина и руководитель театральной студии, оглядел его со всех сторон и спросил, глядя ему в глаза: – Хотите попробовать свои силы в искусстве?

– Есть такое желание, – махнул утвердительно головой Саша.

– Танцуете, поёте?

– Есть немного, если надо.

– А вы, молодой человек? – обратился он к Алексею.

– Ещё и на гитаре играю!

– Это может пригодиться, – одобрительно сказал руководитель и стал уже рассматривать Алексея, прикидывая, что бы ему предложить из репертуара.

Сашка стоял рядом с Лёшкой, и между ними образовалось небольшое пространство, в которое точно захотелось кого-то из своих подопечных ему поставить и создать забавное трио. Он с каким-то непонятным пока для ребят интересом смотрел теперь на них двоих и, покачивая своей густой шевелюрой, о чём-то размышлял. Ребята недоумённо переглядывались между собой, пока ничего не понимая. Как говорят в таких случаях, режиссёру видней, что делать с новыми артистами. Он их даже ещё не слушал, но пока только приглядывался. Лёшка ему понравился сразу, высокий, стройный, и что-то в нём сразу притягивало взгляд. А это уже немало важно, особенно для сцены. И вдруг его глаза улыбнулись, словно он чего-то понял, но пока не хотел никому ничего говорить.

– Ну что ж, друзья, давайте знакомиться. Меня зовут Владимир Петрович Заносов, я руководитель театральной студии, – и протянул им руку для пожатия.

Сашка первый схватил ладонь, крепко пожал и, тоже улыбаясь, добавил:

– Очень приятно, Саша!

– Забавно. А вы, Саша, бесфамильный?

– Ой, нет. Что вы. Конечно, есть, – он склонил голову, словно провинившийся ребёнок, и добавил: – Велединский. Александр Велединский.

– Замечательно! Какая у вас сценическая фамилия. Работаете?

– Да, слесарем на заводе.

– Будем думать! Хорошо! – в раздумье сказал он, словно сам себе, и тут же обратился к Алексею.

– А вас как звать, чудесный незнакомец?

– Я Алексей Самарин, танцую и пою! – лихо отрапортовал Алексей и пожал протянутую руку руководителя.

– У вас приятный тембр, – заметил Владимир Петрович. – А что поёте под гитару? – и словно с укоровой заметил, – а я уж думал вы нас порадуете своим вокалом, а вы без гитары.

– Я думал, здесь есть, поэтому и не стал брать свою.

– Правильно подумали. У нас тут всё есть!

Лёшка ухмыльнулся: – Как в Греции?

– Как в Греции! – и добавил, – Чехова помните? Уважаю!

– А я ещё и чечётку умею, – влез Сашка в разговор.

– Богата талантами русская земля! – улыбался худрук.

И тут из-за его спины выскочила Антонина, которая до этого тихо молчала и смотрела на ребят, боясь перебить руководителя коллектива.

– Ой, Лёшка, Сашка! Какие вы молодцы, что пришли, я так рада за вас.

– Вот уже и поклонница появилась! – слегка сыронизировал худрук.

– Да мы друзья! – воскликнула Антонина. – Они просто всё никак не решались! – восторженно бросила в сторону худрука Тоня.

Кроме Антонины, и другие ребята и девушки стали собираться вокруг новеньких и с интересом их рассматривали. Конечно, всем было не просто интересно, а очень интересно, а что они могут? Петь, танцевать? Им, участникам студии, которая ставила не просто спектакли и отрывки из пьес, а собиралась ставить большие фрагменты из разных оперетт, чтобы поучаствовать в городском смотре художественной самодеятельности, было совсем не безразлично, что умеют эти молодые, симпатичные парни. Конечно, очень хотелось услышать их голоса, посмотреть, что они реально могут, как танцуют. И то, что один может кроме пения бить чечётку, а второй ещё и на гитаре играет, было уже не так уж и мало. Девчонки с любопытством глядели на ребят, явно примеривая их на себя, ну в том плане, для начала, а кто и что сможет играть на сцене. А ребята смотрели более строго, мужики, конечно, симпатичные, но и мы дескать не хуже, и мы «могём» тоже кой-чего. Поглядим.

У стены, слева от входа, стоял концертный рояль, за которым сидела аккомпаниаторша, молодая женщина лет тридцати пяти, в тёмно-синем платье и чёрных босоножках, облокотившись руками на крышку и наблюдая за новенькими. Ей тоже стало интересно, что могут эти парни, вольются ли они в коллектив или пару раз появятся, а потом испарятся, как это часто бывает с теми, кто о себе думает, что может стать артистом, но вот роли учить и часами репетировать, оказывается, это совсем не для них.

– И с чего начнём? – решил взять быка за рога Владимир Петрович и обратился к Саше, – Вы, кажется, Александр, сказали, что умеете бить чечётку, не так ли?

– Да, есть немного! Особенно, если под музыку, мне будет так намного легче станцевать.

– Кира Витальевна, поможете молодому человеку? – обратился к аккомпаниаторше худрук.

– С удовольствием, – ответила она. – Какую музыку желаете?

– Весёленькую, ну вы понимаете, можно с заходом, – и Сашка, как заправский танцор занял позицию.

Кира Витальевна, что называется, ударила по клавишам, и Саша, услышав хороший джазовый ритм, эффектно крутанулся и стал отбивать ногами чечётку. И хотя у него были самые обыкновенные ботинки, а не концертные туфли с металлическими пластинами, зрелище получилось впечатляющим. Пары минут хватило, чтобы все ребята зааплодировали от восторга новому участнику коллектива. Это они поняли все сразу, что Саша их человек. А Сашка скромно поклонился, а точнее, склонил голову. Если честно, он не привык к аплодисментам в свой адрес, и для него это было впервые. Он машинально посмотрел на Тоню, а та вся сияла от восторга. И ему как-то стало легко и спокойно на сердце от этого взгляда. Рядом стоял Лёша и неловко переминался с ноги на ногу, не зная, что ему делать.

– Теперь ваша очередь, Алексей, – и Владимир Петрович протянул ему гитару.

И вот теперь все взгляды устремились на Алексея. Гитара в руках, надо петь. А что петь? И он решил симпровизировать по принципу – была – не была. И, ударив по струнам, сыграв перебор, он запел, перефразировав известную песню:

– Не кочегар я, и не плотник, я,
Вожу я катер по Пахре – реке.
Плыву в фарватере, ведь водник я,
Готов проплыть и по Оке.

Ребята, чуть не прыснули от смеха, так им понравилась эта милая импровизация Алексея на мелодию песни из фильма «Высота», которую пел всеми любимым Николай Рыбников, что даже хмурый Пашка Ветров крикнул «браво» и захолопал в ладоши. А Лёшка только продолжал, его самого это уже завело, и ноги сами стали пританцовывать в такт музыке:

– Люблю я тихое течение, да,
И днём, и вечером туда-сюда.
Кому-то просто развлечение, да,
А мне совсем не ерунда, да-да.

И тут вдруг из стоящих ребят и девчонок отделилась одна, явно смешливая, тонкая и симпатичная, молодая девчонка, весело подмигнула ему и, подхватив мелодию, запела слова известной песни и стала пританцовывать перед Алексеем:

Не откажите мне в любезности,
Пройтись со мной туда-сюда... ага,
Не то погибнут в неизвестности
Моя любовь и красота.

Девчонка явно подхватила кураж и весело завертелась в танце, так что Алексею ничего не оставалось, как повторить снова первый куплет своей песенки и получить море аплодисментов от студийцев и самого Владимира Петровича.

– Ну, Алексей, вы даёте! Вы ещё и слова сочиняете?

– Да это так, случайно получилось, – смутился Лёшка.

– Поздравляю, поздравляю! Молодцы вы оба. Я прав, ребята? – и он обернулся к коллективу.

– Наши люди! Берём! – почти хором ответил коллектив.

– Вот теперь я точно знаю, кто будет исполнять арию и терцет из оперетты «Белая акация». А я-то всё раздумывал, кого мне в трио Тоне предложить, а тут вот они, сами приходят и словно говорят: «Берите нас! Мы ваши!». И что вы думаете, – продолжал он рассуждать, – именно так мы и поступим. Думаю, и танец с вами мы быстро разучим, – и вдруг его словно чем-то осенило, он повернулся к ребятам и воскликнул: – Грандиозно, как я сразу-то не сообразил? Ведь вам даже имена по сцене не придётся менять, точно ребята? – он обратился к студийцам, а сам продолжал: – Это же надо такое совпадение – там Тося, и у нас Антонина, там Лёша и Саша, и у нас тут Алексей и Александр. Нет, это точно, грандиозно! – и он аж взмахнул руками от удовольствия. – Нет, Кира Витальевна, так не бывает! Это прям какое-то волшебство! Чудеса, да и только! – он был сам не свой от этой неожиданной радости, ну разве что чуть не прыгал от всего этого. – Такое бывает только раз в жизни!

– Тогда Яшку-буксира буду играть я, если вы не против, конечно, – выдвинул свою кандидатуру Пашка Ветров и в этот момент посмотрел не на Владимира Петровича, а на только что певшую Верочку, на которую он давно уже положил свой зоркий глаз, и всё ждал, когда она ему ответит взаимностью, но Верочка лишь усмехнулась, снова отвернулась и стала любоваться Лёшей, но Лёша этого не замечал. Он только слушал худрука и до сих пор не мог поверить, что будет играть какую-то роль, да ещё и на сцене. Это был переворот в его мыслях. Что-то новое, доселе не известное. Одно дело, на катере под гитару песни разные петь, и другое – выступать на сцене. А почему бы и нет?

И он с головой окунулся в репетиционную шумиху. Уже на следующий день они все втроем стали учить большой отрывок текста, который им надо было не просто спеть, а разыграть и исполнить целую сцену с танцами: а это уже не просто

чечётка и песни под гитару, это уже хореография, и ребятам приходилось учить и запоминать текст. А Владимир Петрович стал с ними профессионально разводить всю мизансцену: кто и когда выходил первым, кто начинал петь, и когда они все вместе не только пели, но ещё и разыгрывали мизансцены, и приходилось играть по-настоящему, чему Алексей был несказанно рад. Это было что-то совершенно новое в его жизни, а тут ещё и танцевали во время пения, и текст был интересным, тем более, что Леше не надо было учиться носить морскую фуражку, и он, красивый и высокий, начинал петь:

– Ты помнишь, как хотели четвёртого апреля,

Четвёртого апреля, ты помнишь, как хотели

В театр оперетты мы пойти!

А Сашка за ним подхватывал:

– В театр не попали, билетов не достали,

Билетов не достали, в театр не попали,

Мороженное ели ассорти!

Леша с Сашей попеременно менялись местами, изображали свою любовь к героине Тосе и крутились вокруг неё, как два закадычных друга, которые сами не могут разобраться между собой, кто из них больше любит девушку. И попеременно пели, заламывая руки от любви:

Когда мы шли обратно,

Нам стало вдруг понятно,

Нам стало вдруг понятно,

Когда мы шли обратно,

Что ты одна нам счастье можешь дать.

А Тоня только успевала переводить взгляд с одного партнера на другого и постоянно улыбалась, словно сама не могла разобраться, кто из ребят ей больше нравится. А ребята всё настойчивей ей объяснялись в любви:

В тот день мы убедились,

Что мы в тебя влюбились!

Что мы в тебя влюбились,

В тот день мы убедились,

Что нам родного дома не видать!

И тут вступала Тося, сама не зная, кому отдать предпочтение:

– Ах, Леша, ах, Саша!

Я признаюсь вам, что тоже изнываю от любви!

Но ребят было не остановить, и они старались доказать ей свою любовь:

– Ах, Тоня!

– Ах, Тося!

– Кто б ни был он, ты имя нам скорее назови!

А Тося продолжала им подыгрывать:

– Ах, Саша, ах, Лёша! Что мне делать, я обоих вас люблю!

И тут Владимир Петрович подал свой голос: – Да, вот именно так, Тоня. Ты смотришь сначала на одного, потом на другого, и когда для них двоих спела: «Я обоих вас люблю!», убегаешь немного вперёд, как бы оставляешь их в недоумении. Давай ещё раз повторим.

И Тоня по мизансцене убегала от ребят в сторону и занимала выжидательную позицию.

И ребят можно было понять, они герои или кто? И Саша с Лёшей, немного обескураженные поведением своей подруги, догоняли её и снова по очереди начинали исполнять свои куплеты, стараясь привлечь именно к себе Тонино внимание.

– Так в жизни не бывает, кто этого не знает!

– Кто этого не знает, так в жизни не бывает!

– Из этого не выйдет ничего!

– Тебя мы любим оба, без памяти до гроба,

– Без памяти до гроба, тебя мы любим оба.

– Но ты должна любить лишь одного!

– Ответь нам, Тоня, ясно,

– Не мучай нас напрасно!

– Не мучай нас напрасно,

– Ответь нам, Тоня, ясно.

Вопрос стоит о ком-нибудь одном.

И тут Тося сама не может определиться, она медленно отступает, словно сдаёт свои позиции, а ребята наступают на неё, и всё это под весёлую музыку Исаака Дунавского.

Нельзя любить двух сразу,

Так не было ни разу,

Так не было ни разу,

Нельзя любить двух сразу!

И мы на это дело не пойдём!

– Ах, Лёша, ах, Саша!

Поговорку – третий лишний, я припомнила сейчас.

– Ах, Тоня!

– Ах, Тося!

– Ну конечно, третий лишний,

– Кто же лишний тут из нас?

Друзья пытались понять между собой, кому Тося отдаст предпочтение?

И тут Тося схватила ребят за руки и, улыбаясь, запела дальше:

– Ах, Леша, ах, Саша!

– Я боюсь, что третий лишний – это я!

И Тося убегает в сторону от них. Ребята, разочарованные, только разводят руками. Разве они этого ожидали от Тоси?

И тут Тося подбегает сначала к Лёше, хватая его и начинает с ним танцевать, потом подхватывает Сашу, и тут начинается такой залихватский танец, с пируэтами, и вот где Сашке пригодилась чечётка, а Лешке её пришлось разучивать, и здесь им было вместе, втроем где развернуться и показать в танце, на что они способны. И если в первые дни репетиций у них не очень получался сам танец, и Владимир Петрович как заправский хореограф показывал им, какие движения и па им нужно запомнить, и, главное, быстро и красиво танцевать. От этого зависел весь успех. Это должен был получиться замечательный, весёлый, искромётный номер, с которым они планировали выступить на Фестивале самодеятельного творчества, а Тоня уже для себя решила, что именно с этим номером она будет показываться на вступительных экзаменах во ВГИКе. Осталось только разучить его и спеть так, чтобы все зрители в зале и вся приёмная комиссия попадала с мест от их совместного выступления. Тоня прекрасно понимала, что ещё придётся Лёшку уговаривать поехать вместе с ней и Сашей в институт и там показать этот номер. Но это будет ещё нескоро, но она для себя уже всё решила. Именно так, и никак иначе!

Глава 7. Девушка спешит на свидание

Наташа пришла в кафе-мороженое чуть раньше назначенного времени. Она выбрала свободный столик под одним из полосатых зонтиков-шатров и аккуратно села в плетёное кресло из ротанга и осмотрелась по сторонам. Посетителей пока было немного, и это было хорошо. Она положила свою красную сумочку на столик, но тонкие красные перчатки пока снимать не стала. К ней сразу подошла официантка.

– О, привет, Наталья! – симпатичная девушка в наколке вся сияла.

– Леночка, привет! – в ответ Наталья слегка повернула голову.

– Ты сегодня выглядишь просто потрясающе. Молодец! Такая стильная всегда. Ты сегодня одна, без подруг? – Леночка приятно улыбалась и одновременно любовалась Наташей. – Как всегда, сливочное с шоколадной крошкой? – и она достала из кармашка фартука маленький карандаш и такой же блокнотик для записи заказа. Наташа подняла на неё глаза и, чему-то улыбаясь, вдруг сказала: – Знаете Леночка, пожалуй, сегодня я закажу пока, – она сделала на этом особое ударение, но так, ненавязчиво, – только фужер шампанского. Если можно, полусладкого?

– Конечно. – Она посмотрела Наташе в глаза, и хотя очки были от солнца, но не совсем чёрные, а слегка дымчатые, однако озорные глаза были видны хорошо, и Леночка в них увидела лукавую улыбку, но расспрашивать об этом свою хорошую знакомую из скромности не стала.

Она развернулась и, зацокав каблучками по асфальту, пошла к стойке выполнять заказ. «Одно шампанское всего, явно неспроста», – подумала она, ибо знала Наташу давно, ведь та частенько сюда заглядывала после работы с подружками съесть мороженое или посидеть в узком кругу, выпить шампанского и отдохнуть вечером в субботу или воскресенье перед танцами в парке. Наташа была девушкой модной, даже стильной, могла себе это позволить, благо работала в ателье в должности заместителя заведующей, и то потому, что была ещё молодая и набиралась опыта управления своим хозяйством, но все прочили скорое её повышение по должности, так, по крайней мере, поговаривали и в управлении коммунального хозяйства города, но это нисколько не мешало ей работать и по основной специальности после окончания института и быть не просто закройщицей, а скорее художником-модельером. Она могла очень быстро, только по отрывочным фразам клиентки понять, какое платье или костюм та хочет себе заказать, тут же его нарисовать и показать... и это новое слово «модельер» только-только стало входить в обиход, и поэтому попасть на примерку к ней можно было только по записи. Это приносило и свои положительные плоды, но и накладывало на неё определённую ответственность. Все Ленины подружки по работе в кафе ею только восхищались и старались по возможности не бежать в магазин за обновками, которые там появлялись не так часто, а лучше заранее договориться о встрече и занять свою очередь рано утром. Лучше не доспать часок-другой, но зато заказать красивое платье с модным силуэтом у Наташи.

– Катя, налеп фужер шампанского для Наташи, – обратилась Лена к своей напарнице за стойкой кафе. А так как в кафе работали одни блондинки, то и Катя, конечно, тоже была блондинкой, довольно симпатичной курносой девушкой с шикарной копной волос и лучистыми карими глазами.

– Один бокал? И всё? – она даже удивилась, – это как-то на Наталью не похоже, что-то за этим кроется. Может, она ждёт кого-то? – и она наклонилась близко к Лене

и прошептала той почти на ухо: – Ты только посмотри, как она сегодня выглядит. Она же в новом платье, на шпильках. А причёска какая? Интересно, с чего бы это, а Лен?

– Не знаю, – она пожала плечиками и, обернувшись в сторону Натальи, тихо сказала подруге: – Ничего такого особенного я не увидела. Она всегда прекрасно одевается. Давай наливай шампанское.

У Кати было сегодня явно игривое настроение, и она вдруг негромко пропела:

– Открою я бутылочку, шампанского налью, – и она достала бутылку полусладкого «Советского шампанского», откупорила её и аккуратно налила в тонкий длинный бокал золотистый напиток почти до самого края. – Забирай!

Лена взяла налитый фужер с шампанским и принесла его за столик ожидающей Наташе.

– Потрясающе выглядишь, Наташ. Все наши девчонки просто сходят от твоих нарядов с ума!

– Спасибо, Леночка! Но вы тоже все выглядите великолепно. Как говорят за пределами кафе: – «Вы все, как на подбор! И все блондинки!»

– Ой, не смущай нас. Это начальство так решило. Наш директор в Таллине был в командировке на семинаре, там это и заметил. Ему очень понравилось. Так и сказал: «Будем и мы, как в Европе!» и решил так же сделать у нас, а городское начальство поддержало.

– Я только рада за вас. Вот бы почаще у нас принимали такие умные решения, и было бы всё замечательно. Не хуже, чем в Европе!

– Наташ, а можно спросить тебя?

– Конечно.

– Скажи, а вот как ты подбираешь всё так замечательно, что смотришь на тебя и сердце радуется? – и Лена засмузилась.

– Ну как тебе сказать. Есть просто определённые законы, и надо их стараться соблюдать.

– Ну вот ты сейчас одела белое платье в красный горох, и туфли у тебя красные и пояс, и сумочка и даже перчатки. А почему перчатки красные, а не белые, к примеру?

– Да ничего удивительного. Просто строится всё на контрасте, чтобы перчатки выделялись на фоне платья. Кстати, туфли можно было и белые надеть, но мне сегодня захотелось именно красные. Сейчас в моде как раз парные цвета.

– И помада красная? Не очень ярко?

– Нисколько. Надо, девочки, всего лишь свою красоту подчёркивать, а не выпячивать. Слегка, чуть-чуть, и не более того... – И она снова улыбнулась, чуть подмигнула Лене и слегка пригубила шампанское.

Лена всё поняла и не стала больше расспрашивать Наташу. Она встала и, поблагодарив её, отошла к стойке, где к ней тут же подскочила Катя и что-то зашептала на ухо.

Наташа посмотрела на часики. Стрелки показывали без трёх минут шесть вечера. Кафе-мороженое стало постепенно заполняться посетителями. Тихо играла музыка из радиолы, что стояла в углу барной стойки. Вечер был очень тёплый, и многие парни и мужчины были в рубашках с коротким рукавом, а женщины и девушки в платьях либо с короткими рукавами, либо вообще без них, а кто-то стал появляться в летних разноцветных сарафанах. Наступало лето.

Это было любимое место отдыха горожан и особенно молодёжи. Как ска-зали бы в наше время, кафе было в европейском стиле, но тогда никто об этом

не думал, да и не знал самого такого понятия. Просто всем оно очень нравилось. Сюда приходили целыми семьями, особенно с маленькими детьми, которые любили здесь полакомиться разноцветными шариками из мороженого, выпить газированной воды или яблочный сидр, а может, даже заказать шампанское с шоколадными конфетами, выбор которых был очень большим. Настоящие шоколадные конфеты из натурального шоколада, а какие вкусные... пальчики оближешь. Здесь часто любили назначать романтические свидания юноши и девушки, даже взрослые мужчины не стеснялись здесь показаться с шикарным букетом цветов для своей дамы, купив перед этим, как правило, два билета на вечерний сеанс в кино. Здесь обитал дух романтики, и прекрасные молодые и красивые девушки-официантки, стильно одетые, в белых передниках, в туфельках на каблук, все блондинки, старались поддерживать это прекрасное реноме своего заведения, ибо обстановка к этому всегда располагала.

На эту встречу Наташа действительно захотела одеться очень модно, а заодно и посмотреть на Сергея повнимательней. Он какой-то очень загадочный, даже таинственный и практически ничего не рассказывал о себе. Именно этим он её и привлёк. Даже в институте она часто отшивала парней, которые слишком много о себе рассказывали, тархтели без конца, словно кумушки на скамейке у дома. Таких болтливых она терпеть не могла. А этот – больше расспрашивал о ней, чем рассказывал о себе. И это её задело, даже зацепило. Интересный парень. Ещё и красивый. Опасный прецедент. «Надо ушки держать на макушке», – подумала она, как в арке входа в кафе с большим букетом белой сирени показался Сергей. И она сразу обратила внимание на его тоже ослепительно белую нейлоновую рубашку и светло-серые брюки. «Тоже любит помоднить», – подумала она и, слегка наклонив голову, незаметно осмотрела себя. Выглядела она просто потрясающе: на ней было белое в красный горох с вырезом приталенное и слегка расклешённое атласное платье чуть ниже колен с тонким красным поясом на талии, с шёлковой подкладкой, обворожительная причёска с легкими локонами, на шее было яркое красное ожерелье и в ушках красные клипсы, а на стройных ногах красные туфли на шпильках, и рядом на столике лежала маленькая из красной кожи дамская сумочка, которая хорошо помещалась в руке. Ну и, конечно, на левой руке изящные женские часики на браслете. И последним штрихом были не так давно вошедшие в моду чёрные очки от солнца в кричаще белой оправе в виде кошачьих глаз, а сами голубые глаза Наташи были подведены тонкими чёрными стрелками. Шикарная девушка!

Сергей сбавил шаг и, приблизившись к столу, за которым сидела Наташа, негромко сказал: – Я очень рад вас видеть! – и, посмотрев ей прямо в глаза, пусть и через дымчатые очки, добавил, – Вы само очарование, Наташа! Ещё в электричке я это понял, – он слегка вдохнул и добавил: – и даже духи «Белая сирень» идеально подходят по своему аромату к этому букету!

– Это очень проникательно, Серёжа. Я смотрю, вы и в духах разбираетесь? Я тронута, честное слово! Но как вы догадались, что сегодня я использую именно эти духи?

– Весна, сирень душистая цветёт, а белая всегда прекрасна, и по-другому я уже себе вас не представлял, а духи лишь дополнили моё воображение. – Он протянул ей букет прекрасной белой сирени, Наташа с удовольствием взяла его в руки и вдохнула очаровательный, душистый аромат. – Какая прелесть, Серёжа! Спасибо вам! Я люблю сильные запахи!

– Я в этом и не сомневался. Вы «сильная» и стильная девушка. Я таких люблю!

– Это что, признание в любви?

– А вы не верите в любовь с первого взгляда?

– Серёжа, давайте не будем торопить события. Я всегда дорожу первыми впечатлениями.

– Извините меня, Наташа! Может, по мороженому съедим, вы как, не против? Вы какое больше любите? – и он стал внимательно смотреть в её дымчатые очки, стараясь разглядеть через стекла её настоящие глаза. Наташа это поняла и сняла очки, положив их на стол рядом. Она улыбалась. От души. И глаза были добрые-добрые... чистые, голубые глаза.

– Я вами восхищаюсь!

– Серёжа, – она вдруг сделала лицо чуть строже, но всё же мягко так сказала: – Мы с вами так весь вечер будем одними эпитетами говорить... – и засмеялась.

– О, да, простите меня, мы не в театре... – и он тоже заулыбался. – Я тогда пойду закажу мороженое, и он хотел встать с кресла, как Наташа остановила его рукой и негромко позвала: – Леночка, можно тебя на минуточку?

Через несколько секунд Лена подошла к их столику, и Наташа сказала: – Вот познакомься, это Сергей, он хочет сделать заказ!

Сергей от неожиданности слегка опешил, но, увидев подошедшую Лену, произнёс: – А мы тут уже, кажется, виделись, не правда ли? – и тут пришлось удивляться Наташе, – а вы что уже знакомы?

– Да, он с ребятами заходил как-то перед сеансом в Лепсе. Как раз мороженое ели. Вот, правда, лично мы не познакомились, – и более строго спросила: – Что будем заказывать? Шампанское?

– Нет, не будем, а будем шоколадное мороженое. Не против? – и он обратился к Наташе. Та только утвердительно махнула головой и сделала очередной глоток шампанского. Лена ушла за мороженым, как Наташа спросила: – Серёжа, а ты шампанское не любишь, да? Или ты больше по водочке? – и дерзко посмотрела в его глаза.

– Да нет, не в этом дело. Шампанское я люблю, особенно на Новый год, да и от водочки не откажусь, но не под мороженое, а, например, под картошечку с укропчиком, да с грибочками, да с огурчиками, это совсем другое дело, да и просто мне сейчас алкоголь нельзя.

– Язва что ли? – язвительно так усмехнулась Наталья и чуть не прыснула со смеху.

Тут уже не удержался Сергей и сквозь смех выпалил, правда, совершенно беззлобно: – Сама ты язва! Я за рулём! Машина за углом стоит!

– Что? Машина? Грузовик? – и она мысленно представила себя в кабине самосвала рядом с Сергеем и аж прикрыла рот ладонью. – Ничего себе!

– Да какой грузовик, ты что! Вон за углом стоит «Москвич-кабриолет», только летом кататься, природой наслаждаться! Крыши нет над головой, солнце светит нам с тобой! – размахнув руки, выпалил он на одном дыханье так быстро, что Наталья просто опешила от неожиданности, и вдруг как крикнет на всё кафе: – Так поехали кататься! Жизнь надо наслаждаться! Мороженое подождёт!

На крик в кафе все обернулись в их сторону, кто-то даже покрутил у виска, типа ребята совсем очумели, раскричались тут, но Наташа не обратила на это никакого внимания и, схватив Сергея за руку, потащила его из кафе на улицу. Выскочив на Ревпроспект, Наташа заметалась взглядом и стала искать глазами «Москвич». Но даже через тёмные очки, она разглядела на противоположной стороне, почти у входа в Дом культуры им. Лепсе, там за углом, где были билетные кассы, стоял, приутившись у обочины цвета кофе с молоком с открытой крышей одинокий «Моск-

вичонок». Это был «Москвич 400—420», кабриолет, но Наташа в таких тонкостях, конечно, не разбиралась, да ей это было и не нужно совсем.

– Это он, да? – воскликнула Наташа. С нескрываемым интересом она смотрела на Сергея. – Вот здорово! А ты меня покатаешь на нём?

Сергей смотрел на Наташу так же, и она ему ещё больше нравилась, вот такой, совсем непосредственной девчонкой. Наташа подбежала к «Москвичу» и заглянула в открытый всем ветрам салон. И вдруг пальчик её правой руки показал вверх: – А если дождь пойдёт, то мы промокнем?

– Нет, конечно. Вон сзади у него складная крыша, закрыл, и дождь не страшен. Сергей достал из кармана брюк ключи и открыл дверь салона.

– Садись, красавица! Двадцать три лошадиных силы ждут вас с нетерпением! – он наклонился в бок и открыл дверь справа. Наташа пригнулась и стала усаживаться в салон поправляя платье. – Это что, твоя машина? Ну ты даешь!

– Ну почти, но это не важно.

– А что важно?

– А то, что мы сейчас с тобой поедem кататься. Разве этого мало?

– Нет, это как раз самое главное! А можно я привстану? Никогда так не ездила ещё, только в кино видела. Мне так понравилось. Я тоже так хочу!

– Сейчас, я только развернусь! – он вставил ключ зажигания, повернул его и завёл мотор кабриолета. «Москвич» заурчал мотором, Сергей осмотрелся по сторонам и стал разворачиваться посреди улицы. Машин кругом не было, зато народ уже стал во всю гулять не только по тротуарам, но и по самой дороге. Рабочий день закончился, можно было и отдохнуть, сходить в кафе или в кино, благо выбор был большой, кинотеатров и клубов в городе хватало, и всегда можно было найти интересный фильм. Серёжа не спеша поехал по самой красивой улице города. В народе ещё в начале пятидесятых стилиги прозвали её подольским Бродвеем за длину и ширину и возможность прогуливаться по ней, а самое главное, встречаться с друзьями и, конечно, хвалиться своими обновками. Зарплаты позволяли иногда радовать себя чем-то новеньким, будь то новое платье или туфли, или вошедшие в моду капроновые чулки со швом. Да и ребята не отставали, кто-то любил туфли на манной каше, а кто-то уже и модные белые кожаные туфли или льняные тонкие брюки вкупе с модной расцветкой гавайской рубашки с короткими рукавами, которая больше подходила для пляжа, но так как не все это знали, и носили её по выходным дням или жаркими летними вечерами. Время однообразной одежды уходило в прошлое, как и само время стилиг. При желании теперь всех можно было назвать стилигами. Никто не хотел оставаться серой и бесцветной мышкой, тем более молодые и красивые девушки. И даже молодые мамы с детьми старались выглядеть очень красиво и элегантно. И пусть они не читали американскую газету «Нью-Йорк Таймс», в которой была напечатана статья о том, что в СССР молодежь увлекается Элвисом Пресли, носят причёски в его стиле, хотя ни пластинок его не выпускали и по радио его песни не крутили, но в моде уже стали разбираться, а на танцах не только играли джаз, но и популярные буги-вуги. И без саксофона, а то и двух практически не обходился ни один джазовый коллектив, тем более известный уже на весь город джаз-ансамбль Кости Моисеева из индустриального техникума. Этот молодой двадцатисемилетний парень быстро завоевал популярность, и все выходные его коллектив играл в парке на танцах. Народу было столько, что не пробиться. И кому не доставалось места на самой танцверанде, толпились вокруг неё и слушали популярные мелодии и в такт музыке всё равно пританцовывали. Музыка звучала по всему парку. И если раньше это была прерогатива стилиг, то сейчас в парке на танцах это танце-

вали практически все, и ни у кого это уже не вызывало удивления, ни у дружинников, которые вместе с дежурным милиционером и с повязками на руках фланировали по центральной улице города или перебирались в парк следить больше за порядком, нежели за тем, кто и что носил из одежды. Волосы с коком или модные стрижки уже никто не состригал в грубой форме здоровенными ножницами, как это было всего несколько лет назад, когда стилиги только появились в городе. Сейчас вечерами горожане выбирались из домов на улицу прогуляться, пообщаться с друзьями, и Наташа понимала, что сегодня ей подфартило, и она решила оторваться на полную катушку. Сергей смотрел на дорогу, но краем глаза косил в сторону Наташи. «Вот стрекоза», – подумал он, вспомнив Лейлу Абашидзе из одноимённой комедии. А Наташа встала с сиденья в полный рост и взмахнув руками словно птица радостно улыбалась и смеялась от души. – Это так здорово! Классно! Я ещё никогда в жизни так не каталась! Давай прокатимся с ветерком! – Она держала равновесие и чуть не кричала от радости на весь проспект, – её глаза не просто светились счастьем, а именно были самыми счастливыми на тот момент глазами влюблённой девушки. Сергей снова глянул на неё снизу вверх. У неё было прекрасное настроение, и он в этом нисколько не сомневался. Машина набирала ход, и лёгкий летний ветерок стал трепать её игривые локоны. Гуляющие парни и девушки оборачивались ей вслед и тоже улыбались. Теплый летний вечер был прекрасен.

Глава 8. У римского фонтана

Они катались по улицам города. С Ревпроспекта свернули на проспект Ленина, прокатились вниз к реке, потом у самого моста свернули налево на улицу Карла Маркса, проехали мимо аккуратных одноэтажных домиков. Пахло ароматом цветущих деревьев и яблонь, что росли за заборами у соседей. Моторчик «Москвича» иногда напрягался на подъёме, но всё-таки уверенно тянул машину вперёд, шурша покрышками по асфальту. Потом они свернули на Зелёновскую улицу и не спеша стали подниматься вверх, вновь через некоторое время пересекая Ревпроспект у типографии, и тут неожиданно Наташа, посмотрев на виднеющийся вдали памятник Карлу Марксу сказала Сергею: – А давай свернём налево у летнего кинотеатра и проедем по Февральской. – И посмотрела ему в глаза. На секунду их взгляды встретились, и Сергей в ответ спросил:

– Ты решила в очередной раз сходить на Тарзана? – и улыбнулся.

– Да нет, конечно. – Она немного удивилась этому вопросу, даже улыбнулась, но мысль ей была понятна. – Понимаю тебя, сейчас модно быть романтичным, и, если честно, тоже люблю приключенческие фильмы, но я ведь всё-таки девушка. Это мальчишки на него бегают табунами, копируют его движения и поступки, а потом бегут на свои тарзанки на Пахре и там, подражая его крику, – и она тут же изобразила это рукой и голосом, – сигают со всего маха в речку.

– А ты с тарзанки разве никогда не прыгала?

– Ещё как прыгала, чтобы я да не прыгала, ой, я тогда бедовая была. Мамка меня постоянно ругала, что я уже на второе мая бегала на Пахру с мальчишками купаться, боялась, что я простыну в холодной воде. А почему холодной? Вода уже тёплая была. – и она рассмеялась. – Да, весело было. Тогда «Тарзана» только стали крутить в кинотеатрах. Мальчишки по нему с ума сходили, ну и мы тоже... днями пропадали на реке.

Они уже подъехали к перекрёстку, и он обратил внимание, что справа по ходу движения строилось какое-то здание, и машинально спросил у Наташи: – Не знаешь, что здесь строится?

– Новый дом культуры будет.

– Да, интересно даже. Тут вроде один кинотеатр уже имеется, не так ли?

– Да, но это летний кинотеатр, а там и кино крутить будут, и разные кружки, и спортивные секции для детей будут.

– Тогда понятно.

Сережа внимательно осмотрелся и стал медленно заворачивать на Февральскую улицу, проезжая мимо входа в летний сад, где находился известный в городе летний кинотеатр, народ там толпился у будки с надписью «Касса», покупая долгожданные билеты на вечерний сеанс. Судя по цветной афише, все спешили поскорее узнать «Тайну острова Бек-Кап» по роману Жюль Верна, который только в марте вышел на экраны страны, и ещё не все его успели посмотреть, зато мальчишкам на утренних сеансах было раздолье – они могли и «Старика-Хоттабыча», и «Кортик», и те же «Приключения Тарзана в Нью-Йорке» увидеть и даже уже полюбившийся фильм «Два капитана» посмотреть в десятый раз, о чём указывала простая афиша слева от входа, где были просто написаны названия фильмов и начало сеансов. Но мальчишки всегда старались прорваться и на вечерние сеансы, куда уж без них. Правда, на последний сеанс их, конечно, не пускали, но это уже другая история, что называется. И тут Наташа вдруг резко закричала, и Сергей, словно очнувшись,

всего-то на секунду отвлекся на афишу кинотеатра, по инерции нажал на тормоза и увидел, как мимо них перебежала дорогу стайка мальчишек, спешивших на вечерний сеанс.

От резкого тормоза Сергей ударился грудью о баранку машины и успел только охнуть, а Наташа чуть было не врезалась головой в лобовое стекло, успев руками упереться в панель приборов.

– Мама! – только и произнесла она и посмотрела на Сергея, у которого руки крепко сжали баранку, и аж побелели костяшки пальцев. Ватага пацанов даже не обратила на это внимание и промчалась мимо машины словно вихрь и тут же скрылись за оградой сада. Хорошо, что других машин в это время на дороге не было и они никому не помешали своей резкой остановкой. Сергей выдохнул, чтобы успокоиться, и тихо произнёс: – Да уж, улица полна неожиданностей! – и даже смог слегка засмеяться. Смех был явно нервным. Было тихо, и он понял, что двигатель от резкой остановки заглох. Чтобы снять напряжение, он, ничего не говоря, снова завёл машину и тихо двинулся вперёд.

– Извини меня, Серёж, что я тебя своими разговорами отвлекла от дороги, – вдруг стала извиняться Наташа.

– Перестань. Ты совсем не виновата, это я был не совсем внимателен, и как раз спасибо тебе, что ты их увидела и крикнула, а то ещё чего доброго сбили бы кого-нибудь, вот были бы тогда дела... – и он машинально закачал головой. И, словно вспомнив что-то, спросил Наташу: – А мы чего на Февральскую повернули? – они уже проехали Троицкий храм и ехали мимо многоэтажного дома и пятой школы, когда Наташа робко произнесла: – А я тут в ателье работаю, – и показала на вывеску самого известного в городе ателье.

– Ты здесь работаешь? – Сергей удивился. – В ателье? И кем? – он остановил машину, чтобы лучше разглядеть вывеску и само место, где находилось ателье.

– Закройщицей. – Наташе было интересно наблюдать за его реакцией.

– Простой закройщицей после текстильного института? Ты меня разыгрываешь, да? – теперь удивлялся он, явно не веря в то, о чём говорила Наташа. – Ты это специально, да? И какую кафедру ты заканчивала?

– А ты что, знаешь, какие у нас в институте есть кафедры? Интересно откуда?

– Нет, ты пока не ответила на мой вопрос.

– Ничего удивительного, ты тоже пока о себе ничего не рассказал, – она слегка упиралась, но её тоже задевало то, что она должна была всё рассказать, а Сергей продолжал интриговать, – девушка уставилась на Сергея, посмотрела ему в глаза, которые в упор смотрели на неё, и тихо так добавила, – конструктор одежды и художник-модельер. Я с детства любила шить, я ведь тебе про это говорила, или ты уже забыл?

– Нет, не забыл. Я это прекрасно помню.

– А почему тебя это так интересует? – уже удивлялась Наташа.

– Меня? Просто так, – и через секунду спросил: – Скажи, а ректором у вас был Иван Арсеньевич Петров?

Тут уже пришло время удивляться Наташе: – А откуда ты знаешь, кто у нас был ректором? – и она хитро так взглянула на Сергея, что он не выдержал этого взгляда, включил передачу и, нажав на педаль газа, рванул машину вперёд, да так, что Наталью аж отбросило на спинку сиденья и она от неожиданности охнула. Ему вдруг стало весело и смешно, он уверенно вёл машину по улице и изредка посматривал на Наташу, но пока не решался ответить на её вопрос. Чтобы разрядить обстановку, он неожиданно спросил: – Куда поедем дальше?

– В гастроном! – в том же духе ответила она, продолжая смотреть на Сергея, понимая, что он, конечно, хитрит, но вот причину она пока не могла понять.

– Шутить изволите?

– Ну почему же? – теперь удивлялась Наташа, – сейчас купим шампанское и выпьем за таинственного незнакомца.

– А зачем нам гастроном? Можно и в кафе, тем более мы там мороженое так и не заказали, а заодно и конфеты шоколадные возьмём. Наташа, вы какие конфеты больше любите?

– А мы уже снова на «вы» перешли?

– Извини, больше не буду.

– Так чего ты больше не будешь?

И тут Сергей понял, что настала пора сказать то, что он хотел сказать чуть позже, но уж коль так сложилась ситуация, то надо говорить сейчас, иначе действительно Наташа может и обидеться на него. Он подъехал к перекрестку как раз у гастронома на проспекте Ленина, посмотрел по сторонам и, пропустив пару машин и автобус, двинулся через дорогу, проехал здание горкома партии и возле книжного магазина остановился, заглушив двигатель.

– Ты решил в книжный магазин зайти? – удивилась она этой остановке и посмотрела на витрину книжного магазина.

– Да, у меня как раз в кармане двадцать копеек завалилось! – и вышел из машины, обойдя капот «Москвича», открыл дверцу и, подав Наташе левую руку, предложил ей тоже выйти. Она, немного удивленная, поправляя платье, вылезла из машины и стала оглядываться по сторонам, ища какого-то подвоха со стороны Сергея.

– А зачем мы приехали на Советскую площадь?

– Мне очень нравится здесь сквер! Такой красивый и с фонтаном. Ты тут ни разу не была? Я не поверю никогда! – Сергей острил и улыбался, его явно тянуло на сочинение стихов, это сразу отметила про себя Наташа.

– Была, была, возможно, сотню раз, а может быть, и больше... – подхватила в тон она. – Как жаль, что здесь зимой каток не заливают!

Она и сама частенько здесь любила отдыхать, сидя на скамейке, особенно тогда, когда в книжном покупала новую книгу, и ей тут же хотелось хоть немного, но прочитать первые страницы под легкое умиротворение падающей воды, особенно спокойным и тихим вечером после работы, когда можно было не торопиться домой. Она только подумала, ну зачем он её привёз сейчас сюда, в сквер, неужели первый поцелуй будет под звуки музыки фонтана, – подумала она про себя, глядя в его такие уверенные в этот момент голубые глаза и мысленно стала с этим соглашаться. Это, конечно, очень романтично. Первый поцелуй у фонтана. Если бы ещё и музыка играла. И вальс танцевать...

Но Сергей, взяв её за руку, потащил за собой через дорогу в сквер, что находился на Советской площади, где по всему периметру возле густых кустов декоративного оформления стояли массивные скамейки с гнутыми чугунными ножками-боковинами, а в самом центре сквера находился красивый белый в итальянском стиле фонтан с рыбками. Наташе фонтан нравился, как и многим горожанам, которые любили здесь отдохнуть, почитать книгу или газету, а днём тут часто отдыхали мамы с детьми. Вот и сейчас тут сидело по углам сквера всего несколько человек, хотя иногда отдыхало и больше, и Наташа сама это видела постоянно, когда возвращалась после работы вечером домой. Сергей подвёл её к самому фонтану, вокруг которого по кругу росли специально высаженные цветы, милые и нежные

анютины глазки, путь к которому перекрывали чугунные ограждения, такие же, как на улицах огораживали газоны. Вода с самого верха большой каменной чаши, которую держала красивая подставка почти в человеческий рост, похожая на амфору, срывалась вниз, образуя сплошную, похожую на льющийся жидкий хрусталь прозрачную стену, под которой так хотелось оказаться в жаркий солнечный день и насладиться мелкими капельками скачущим по твоему жаждущему влаги телу брызг.

– Мы будем любоваться фонтаном? – удивилась в который раз Наташа и снова с вопрошающим взглядом посмотрела на Сергея.

– Да, мы будем любоваться этим чудом человеческой мысли. Ведь так прекрасно здесь и сейчас оказаться у фонтана и загадать желание. Ты не против? – слегка театрально взмахнул он рукой и, повернув Наташу к себе лицом, стал смотреть прямо ей в глаза. Он смотрел и любовался, любовался и смотрел в упор, да так, что Наташа, не выдержав такого пристального взгляда, отвернула голову в сторону, а потом тихо, так, чтобы посторонние её не слышали, произнесла: – О каком желании идёт речь Серёжа? Ты меня интригуешь.

И тогда Сергей достал из кармана двадцатикопеечную монету и с размаху бросил её в фонтан.

– Двадцать копеек! На счастье, – крикнул он.

Монетка по диагонали пролетела через хрустальные струи и, шлёпнувшись о поверхность воды, скрылась на дне фонтана.

– Я загадал желание!

– Интересно какое? – удивилась Наташа. – Или это страшная тайна?

– Тайна, которую трудно сохранить, – говорил он вкрадчиво, чуть с придыханием, словно в каком-то приключенческом романе, – продолжая смотреть ей в глаза.

– И? Я сгораю от нетерпения. Я хочу узнать эту тайну! – воскликнула она и подпрыгнула от радости, как маленькая девочка, захлопав в ладоши. А Сергей смотрел на неё и любовался девушкой, с которой он только сегодня днём познакомился, и она с каждой минутой всё больше и больше нравилась ему. И он не стал её больше интриговать, а, продолжая смотреть в её лучистые глаза, сказал очень просто, возможно, даже тихо, но как-то так, что она эти слова сразу услышала, и ей стало необыкновенно тепло на душе.

– Тайна в том, что никогда тебе не буду врать, а говорить только чистую, как эта хрустальная вода в фонтане, правду. Надеюсь, ты меня в этом желании поддержишь?

– Это можно считать клятвой верности?

– Да, моя принцесса!

– Это рыцарский поступок! – и она улыbnулась, но тут же улыбка сменилась вопросительным взглядом, и она произнесла: – Хорошо, я не привыкла оставаться в долгу, – открыв свою маленькую сумочку, немного порылась в ней и достала из глубины монетку, посмотрела на её достоинство и удивилась:

– Ну надо же, какое совпадение, у меня тоже двадцатикопеечная, – и размахнувшись бросила её в фонтан.

– И пусть моё желание исполнится, и я услышу правду сей же час, – и она сделала резкий жест рукой, указав вниз, в сторону фонтана, словно перед ней на коленях стоял рыцарь в доспехах и просил прощения.

– Не буду долго в ожидании томить... – он сделал паузу, словно на сцене театра актёр и, выдохнув, неожиданно для Наташи произнёс, – кафедра проектирования и художественного оформления текстильных изделий.

– Что? – не поняла Наташа, – текстильных изделий? – от удивления у неё глаза полезли на лоб. Уж чего-чего, но этого она точно не ожидала.

– А я-то думала-гадала... – и Наташу стал разбирать залиvistый смех. Она стала смеяться от всей души, и этот смех передался Сергею тоже. Они стояли рядом, смеялись и только показывали друг на друга пальцами.

– Ну ты даёшь! А я-то думала, чего ты темнишь, не говоришь, где работаешь. А ты, оказывается, ещё студент... а по возрасту не скажешь.

– Студентом был совсем давно, – Сергей даже немного улыбнулся, настолько было для него неожиданно это сравнение со студентом, что он не сразу нашёлся, что сказать на этот счёт, но, посмотрев на улыбающуюся Наташу, продолжил: – Сразу после школы поступил я в институт, но после первого курса меня забрали в армию, так что три года отслужил на дальнем пограничье, а потом вернулся в институт на второй курс, ну а после окончания два года работал в одном сибирском городке на трикотажной фабрике, кое-что новое там внедрил, ну вот меня и забрали в областное управление, но быть чиновником мне как-то совсем не хотелось, и я выбрал нашу трикотажную фабрику, где меня уже через месяц назначили главным художником-технологом. Так что я инженер. Модельер-технолог, так будет точнее. Буду создавать трикотажные изделия. Я ведь с детства рисую. Художественную школу окончил. Да и хочется что-то на практике создать самому, а не смотреть, как это делают другие.

– Получается, мы с тобой коллеги?

– Да. Вот почему когда я тебя увидел с журналом мод в электричке, то естественно, не смог пройти мимо, и если честно, то немного стеснялся признаться тебе, что мы учились в одном с тобой институте.

Наталья отсмеялась на радостях и, посмотрев Сергею в глаза, вдруг сказала:

– Ну хорошо, что у тебя хватило смелости признаться в этом. Небось подумал, что я буду над тобой смеяться, что ты выбрал такую профессию? Так?

– Ну да, было немного, – засмутился Сергей.

– Чего стесняться. На Западе всю моду в основном мужчины придумывают, возьми, к примеру, Дом Моды Диора во Франции, его сейчас возглавляет сам Ив Сен-Лоран или Живанши. Ты видел их модели? Вспомни Гурченко в «Карнавальная ночь», это же стиль нью-лук, именно придуманный Диором. А как красиво она смотрелась в таком платье. Талия тоненькая, юбка широкая, с подкладкой из тафты. И туфли на каблучке. Вот с тех пор и начала у нас мода меняться, сам знаешь, да и молодежный фестиваль помог в этом плане.

– Видел, но только в журналах. Живьём бы это всё увидеть. Я тут целый месяц из библиотек не вылезал, с педагогами нашими ещё общался, и говорят, что скоро сам Христиан Диор в Москву с показом приедет, ты представляешь?

– Представляю. Вот бы нам туда попасть, посмотреть на всё своими глазами.

– Будем стараться! – улыбнулся Сергей и отсалютовал, как пионер на школьном сборе. Наташа мило улыбнулась и вдруг чмокнула Сережу в щёку и, отскочив в сторону, слегка смутившись своего поступка, только и сказала ему, глядя прямо в глаза: – Спасибо! – и добавила: – Поехали в парк, я хочу тебе кое-что интересное показать, пока не стемнело. Думаю, отказываться не будешь?

– Нет, не буду. Поехали!

И, взявшись за руки, они побежали к машине.

Глава 9. Таинственные гроты для любви

Они остановились на Рабочей улице почти у главного входа в парк, как раз напротив многоэтажного дома с угловой полукруглой ротондой с двухъярусными лоджиями. Сергей сразу обратил на него внимание. «Красивый дом, оригинальный», – подумал он, и его взгляд волей-неволей перенёсся на не менее красивую, арочного типа входную арку ворот с высокими шпилями по бокам и в виде солнечных лучей металлическую конструкцию между ними и полукруглой аркой внизу между столбами, открывая вход в городской парк. Перед афишами толпился народ, выбирая куда пойти. Сергей посмотрел на Наташу и произнёс: – Спасибо тебе, что вытасила меня, а то за всё это время я так и не смог выбраться сюда. Поздно приехал из Москвы, и было уже не до развлечений как-то.

– А по выходным? – спросила Наташа.

– А по выходным я занимался восстановлением вот этого движущегося средства передвижения, не вылезая из сарая, – и он помог Наташе выйти из машины, потом на всякий случай, от дождя закрыл тентом машину, и они перешли дорогу. Сергей хотел посмотреть афиши, но Наташа сразу потянула его в парк.

– Цирк от нас не убежит. Пойдём, я тебе что-то гораздо лучше покажу. – И, подхватив его за руку, потащила через входные ворота в парк. Буквально через несколько метров по диагонали они пересекли небольшую площадь, и Сергей увидел несколько ступенек, по бокам которых стояли белые каменные парапеты, на которых возлежали бронзовые львы. Ступеньки вели на какую-то площадку справа за ними. Сергей отпустил руку Наташи, чтобы полюбоваться фигурой девушки, и она грациозно вбежала по ступенькам стуча каблучками, повернувшись позвала его молча рукой за собой. Сергей устремился за ней. Наташа ему определённо нравилась. Так они оказались на смотровой площадке над самой рекой, ограждённой классическим парапетом с толстыми колоннами, выкрашенным в белый цвет. С площадки открывался великолепный вид на город и на излучину реки. Слева вдали виднелись изогнутые дуги моста. Вечерело, но на реке ещё было очень много плавающих туда-сюда лодок с отдыхающими. Голубое небо постепенно приобретало красноватый оттенок заходящего солнца.

– Как здесь красиво! Я сам не ожидал увидеть такую прелесть, да ещё сверху, когда весь город как на ладони.

– Эта площадка называется «Капитанский мостик», – мечтательно сказала Наташа. Здесь хорошо закат встречать и наблюдать, как солнце скрывается где-то в Дубровицах.

– Романтично. Место первых поцелуев всех влюблённых пар. – Сергей вплотную подошёл к Наташе и обнял её за плечи. Её шелковистые волосы так ароматно пахли, и, вдохнув этот божественный аромат, тихо прошептал: – Так и хочется песню какую-нибудь спеть.

– А здесь многие по ночам под гитару песни поют, – и Наташа незаметно выскользнула из объятий Сергея и закурилась словно в танце, раскинув руки, напевая всего одну строчку: – Я танцевать люблю, я танцевать люблю... – на мотив известной оперетты.

– А ты, оказывается, не только шить можешь, но ещё и танцуешь, и поёшь замечательно, – и Сергей захлопал в ладоши, – ты меня продолжаешь приятно удивлять.

– А чего удивляться, я с подружкой долго ходила в музыкальную студию и танцевала и пела где-то с класса пятого. Она до сих пор там занимается. У нас, кстати,

студия оперетты в ДК им. Лепсе очень сильная в городе, и каждый год в июне проходит смотр художественной самодеятельности всего района на Зелёной эстраде.

– И ты там тоже будешь выступать?

– Ой, нет, что-ты, я уже там не занимаюсь. Там молодых девчонок полно.

– А твоя подруга?

– Она, да, занимается. Она всё ещё мечтает поступить в театральное.

– А не поздно?

– Ну она же не старушка, возраст пока позволяет попробовать свои силы. Пусть пробует. Она сейчас как раз готовится к смотру, ей предложили новую роль, так что надеюсь на концерте её увидеть. У неё там как раз два интересных партнёра и, кажется, оба в неё влюблены.

– По роли?

– Кого пороли? – она удивилась, но тут же поняла шутку созвучия слова и засмеялась. – Да нет, не по роли. Кажется, по-настоящему!

– Да? Не может быть! – теперь уже удивлялся Сергей.

– В театре всё может быть!

– Ну что, зато как в театре – сплошной любовный треугольник, – подтвердил своё предположение Сергей, смотря уже какими-то влюблёнными глазами на Наташу так, что она, смутившись этого взгляда, даже отвела глаза в сторону и, решив сменить тему разговора, произнесла:

– Тогда пойдём! Я тебя буду дальше удивлять! – и она побежала с площадки. Сергею ничего не оставалось, как рвануть вслед за бедовой девчонкой.

– Догоняй! – крикнула она ему и, взмахнув сумочкой, побежала вперед, свернув влево за парапет, побежала вниз к аллее, что находилась над самой Пахрой. Он быстро догнал Наташу, потому что по бульжной насыпи, что сходила вниз, она уже бежать не могла, чтобы нечаянно не споткнуться и не упасть на каблуках.

– И далеко бежим, красавица?

Она остановилась, и выдохнув, слегка таинственно произнесла:

– Пойдём, я покажу тебе логово Змея Горыныча!

– Кого-кого? – уж чего-чего, а такого он не ожидал ни увидеть, ни тем более услышать об этом. Он всё ещё недоверчиво смотрел на разгорячённую девушку и не переставал удивляться её энергии. – Змея Горыныча? Это что, сказка, что ли? – и он осмотрелся по сторонам, словно ища у кого-то поддержки, но аллея была почти пуста, если не считать влюблённой парочки, где-то выше прогуливающейся под ручку.

– Тебе понравится! Я уверена!

– Ну тогда веди!

Он подхватил её за руку, и Наташа потащила его к таинственному месту. Они быстро пробежались по новому тротуару, а потом свернули на тропинку, и Сергей увидел внизу у реки ещё одну аллею со скамейками, откуда открывался изумительный вид на реку и город. И он поневоле спросил: – Почему мы там не пошли?

– А здесь интересней! – ответила она и повела его вдоль берега. И тут Сергей увидел среди невысокой травы перила металлической лестницы, которая явно вела куда-то вниз с холма, на котором они сейчас находились. Наташа аккуратно, чтобы не оступиться на каблуках, стала медленно спускаться вниз, всё ещё держа за руку Сергея, и тут вдруг он увидел красного цвета голову Змея Горыныча, выполненную из жести. Это была какая-то большая, красиво раскрашенная в яркий красный цвет голова сказочного змея, с вырывающимися из пасти сполохами огня, туловище которого уходило вниз, к самому входу в логово.

– Ничего себе охрана, – только и смог произнести Сергей, осматривая фигуру Змея Горыныча, которая тянулась вдоль всего спуска, до самого окончания лестницы. Он постучал костяшками пальцев по металлу, и раздался гулкий звук, похожий на томный рык таинственного животного – у-у-у, – тянул он глухие ноты. Наташа шла впереди, как разведчик, показывая дорогу, осторожно спускаясь вниз по ступеням всё ниже и ниже по металлической лестнице, держась за периллу. Так аккуратно они добрались до площадки, где рядом красовалась белого цвета бетонная ваза с цветами.

– Нас тут, кажется, встречают незабудками? Оригинально, – удивился Сергей, – не ожидал. И он огляделся вокруг. Наташа подвела его к какому-то таинственному месту, больше похожему на каменную пещеру в горе, вход в которую оплетало огромное корневище громадного дерева с потрескавшейся корой, нависая над самым входом в преисподнюю. В лучах вечернего заката это было ужасно таинственно.

– Это и есть логово страшного Змея? – оглядывался Сергей. Войти в этот своеобразный полутёмный тоннель можно было почти в полный рост, лишь слегка пригнувшись.

– Это не просто логово! Это гораздо больше! – она произносила это таким таинственным голосом, что Сергей заподозрил тут какой-то подвох, но Наташа только увлекала его за собой и, приложив указательный палец к губам, сказала очень тихо: – Тсс!

В данное время там было пустынно, и Наташа потянула Сергея в пещеру.

– Что это? – теперь пришло время удивляться Сергею.

– Это грот! – таинственно произнесла Наташа и потянула Сергея в глубь пещеры, помахивая ему рукой, словно говоря: иди за мной. Вход в грот был размером почти в человеческий рост и состоял из мягкого, неотёсанного бело-жёлтого цвета камня, состоящего из известковых пористых карстовых пород. Это был знаменитый строительный камень, и Сергей это сразу понял. Он потрогал его руками. Камень с тёмными боками, что выступал на поверхности грота, был слегка нагрет за долгий день ярким солнцем. Наташа нагнувшись стала пробираться вглубь, держась за стенки руками, чтобы не упасть.

– Это же знаменитый белый камень, известняк, из которого всю Москву строили в давние времена. – Сергей потёр камень пальцами, и на них остался белесый налёт, больше похожий на пудру, а не на каменную пыль. Ему даже стало приятно оттого, что он про это знал, и вот теперь появилась прекрасная возможность увидеть это своими глазами.

– Представляю, как мужики когда-то камнетёсными молотками добывали его. Это ж какие пещеры вглубь уходят?

– Это не просто пещеры, в них можно было раньше заблудиться! – всё так же тихо говорила Наташа. – Раньше по ней можно было добраться до места, где над головой был слышен гул трансформаторной будки, что недалеко от входа в парк находилась.

– И тут откуда ни возьмись вылезал страшный Змей Горыныч и похищал красивых девушек, затаскивая их в своё страшное логово, – говорил Сергей каким-то томным голосом и, подняв вверх руки, словно это были лапы страшного зверя, ступил вперёд, нагнул голову, сделал ещё пару шагов, и вдруг в этот момент ему пришла смешная мысль, и он шипящим, таинственным голосом произнёс:

– Здесь духи бродят по ночам, – растягивал он слова, как это обычно делают, когда рассказывают страшную сказку, и эхом отозвалось последнее слово, словно obeжав таинственный круг и вырвавшись наружу.

– Жаль, про фонарик я забыла, – как ни в чём не бывало продолжила Наташа, ничуть не испугавшись эха.

Видя, что Наташа слегка присела, потому что грот резко сужался, нависая над головой жёлто-серыми камнями, а дальше вообще, кажется, был завален огромными булыжниками, чтобы никому и в голову не могло прийти залезть в самую глубь пещеры, где когда-то добывали этот белый камень. Сергей сложил руки рупором, и перед собой он видел только согнутую спину впереди идущей девушки в туфлях на высоких каблуках, осторожно ступавшей по каменистой породе. Темнело, и вдруг в пещере раздался громкий рык, похожий на звериный. От неожиданности Наталья взвизгнула и вдруг как закричит, перекрывая этот звучный страшный рык. Она, резко развернувшись в полумраке, вытянула перед собой руки и, локтями оттолкнув Сергея, стремглав выскочила на улицу. А вслед ей из пещеры раздался громкий смех, и за ней оттуда на полусогнутых ногах выкатился Сергей. Он продолжал смеяться и бросился к Наталье, схватил её за плечи, чтобы успокоить и прижался губами к её ароматным волосам.

– Ты испугалась рёва Змея Горыныча? – прошептал он, но она выпорхнула из его объятий и машинально стала отряхивать платье от попавшей на него, как ей показалось, каменной пыли.

– Ты что? Я испугалась? Да ни в жизнь! – её немного трясло и, слегка успокоившись, она посмотрела на Сергея, но он ничего не ответил, а только притянул к себе её лицо, но поцеловать не решился, боясь её обидеть, и она это поняла и только тихо так, даже несколько ласково, постучала своими кулачками в его грудь: – Ты меня сильно напугал... просто это было как-то неожиданно. – Она смотрела ему в глаза и молчала, а он уже крепко сжал её плечи, их взгляды прожигали друг друга, и вдруг она неожиданно для себя резко рассмеялась и, хлопнув Сергея по плечу, вскрикнула: – Я в детстве здесь мальчишек так пугала! А ты сейчас тут напугал меня!

– А ты хотела напугать меня? Ну тогда считай, что мы квиты! – и он засмеялся. Интересно. Жаль вглубь попасть нельзя.

– Раньше было можно, а потом камнями завалили, а то там внизу, как в катакомбах, запросто можно было заблудиться. Никто толком не знает, какая их протяжённость.

– А ты говорила, что их несколько. А где ещё два?

– Второй тут рядом, но он уже практически весь завален, так что там один только вход и остался.

– А третий далеко отсюда?

– Можно здесь мимо эстрады пройти по краю берега, и дальше, на большой поляне, после входа в детский парк, как раз на склоне и увидишь его в виде такой каменной башни. Очень красивый!

– Я теперь в этом нисколько не сомневаюсь. Показывай!

– Запросто! – и снова взяв Сергея за руку, Наташа повела его вдоль по нижней аллее туда, где за забором находился деревянный Летний театр, который в народе называли Зелёная эстрада за то, что скамейки для сидения были выкрашены в зелёный цвет. Вечерело, и на аллее стали появляться влюблённые парочки и компании молодых людей, некоторые из них были с гитарами и пели песни. У всех чувствовалось хорошее настроение.

Пройдя вдоль высокой стены позади эстрады, посмотрев на протекающую внизу излучину реки, Серёжа с Наташей вышли на пустынную поляну, вдали которой на кособоре стояла изумительной красоты выстроенная из белого камня с полукруглым овалом над входом круглая башня высотой намного больше человеческого

роста, и если бы она была ещё немного выше, то вполне могла бы сойти за маяк на берегу реки. Правда, верх башни был немного разбит, но это нисколько не умоляло её красоты. Но это был всего лишь грот, в котором частенько люди прятались от дождя или скрывались от назойливых взглядов прохожих. Место было действительно очень красивое – на берегу реки, вдали был виден город, внизу текла река. Шикарное место для поцелуев влюблённым парочкам, – подумал Сергей, как Наташа уже завела его внутрь, и они оказались снова один на один, друг против друга и лёгкий полумрак скрывал их взгляды. И только тишина холодных камней сближала их горячие чувства, которые с каждым мгновением им было тяжело сохранять в неприкосновенности. Сергей обнял её за голову и нашёл слегка дрожащие губы, которые ему уже хотелось поцеловать, и он нежно прикоснулся к ним, и тут же почувствовал ответную реакцию Натальи. Их губы сплелись в нежном поцелуе, она обхватила его за плечи и крепко прижалась к нему. Может быть, впервые в жизни она за свои двадцать три года целовалась с парнем в первый же день знакомства. Она сама от себя этого не ожидала. Ещё днём они впервые встретились в электричке, и вот уже вечером она с ним целуется в парке, да не где-нибудь, а в том самом гроте, о котором можно сказать давно мечтала и представляла, как это может быть на самом деле, когда влюбится в парня, с которым ей бы хотелось прожить всю свою жизнь, как маме с папой, которые для неё были в этом плане образцовым примером в любви. Уж как мама с папой любили друг друга, она могла только мечтать. И всегда думала о том, как себя вести, и всё представляла, каким он будет этот поцелуй? И вдруг раз, и он случился, она даже подумать об этом не успела, как они с Сергеем стали целоваться. «С ума сойти, – пронеслось у нее в голове, – если бы мама увидела её здесь с Сергеем, она бы точно сразу со стыда сгорела. В первый день и сразу целоваться. Только бы никто не узнал». Но не успела она об этом подумать, как где-то снаружи раздались залихватистый девичий смех, мужские возгласы и перебор гитарных струн, и вдруг мужской голос стал петь песню, но слова разобрать было сложно, однако по приближающемуся звуку сразу стало понятно, что молодые люди направляются прямо к ним, точнее они направляются к входу в грот. Наташа оторвала свои губы от губ Сергея и тихо прошептала: – Агас! Кто-то сюда идёт!

– Ещё и поёт, – Сергей всё сразу понял и, закрыв собой чуть струхнувшую девушку, выглянул из грота на улицу, и это было как раз вовремя. Он увидел силуэты двух парней и одной девушки, которые подходили к ним.

– Во, смотрите, а тут уже кто-то есть. Ребята, нас опередили, – высказал свое предположение молодой парень и показал на грот правой рукой. Оборвался звук гитары, и прекратилось пение.

– Кто там целуется в полумраке грота? – Раздался голос молодой девушки, и тут из-за плеча Сергея показалась голова Наташи, и в лучах заходящего солнца она узнала свою подругу по театральной студии Антонину в окружении двух ей неизвестных парней.

– Кого я вижу! – воскликнула та во весь свой театральный голос и кинулась к девушке, обнимая её и целуя в щечку. – Ну ты даёшь, подруга, вот стрекоза! Молодец! Ничего не скажешь, – она немного отстранилась и стала рассматривать новое платье Наташи, поворачивая её как манекен в ателье. – Я думала ты снова дома платье новое строчишь, а ты уже по гротам целоваться бегаешь? А это кто такой красивый, а? – она не унималась, увидев рядом с Наташей незнакомого молодого человека, и, окинув его оценивающим взглядом с головы до пят, слегка так хмыкнула, – а ничего! – и с улыбкой, довольная, так небрежно покачала головой.

– Тоня, ты что, ну прекрати, – взмолилась Наташа такому резкому напору своей подруги и, слегка успокоившись, представила: – Знакомьтесь, это Сергей!

– О, старый знакомый! – вдруг раздался голос подошедшего парня, и тут уже Сергей был приятно удивлён. В молодом и симпатичном парне с гитарой в руках он узнал помощника капитана с речного катера Алексея. – Какими судьбами?

– Гуляем-отдыхаем!

– Приятно познакомиться, Александр. Своим можно просто, Саша! – это второй парень протянул Сергею свою мускулистую правую руку. Ребята встретились взглядами и пожали друг другу руки.

– А вы тут какими судьбами? Вроде сегодня танцев на веранде нет, и Наташа посмотрела на Антонину, та была в белых босоножках на низком каблуке и белом платье в синий цветочек с рукавами-воланчиками. На голове была прическа «венчик мира», как её прозвали в народе за закрученные на голове волосы в веночек. Как говорили, просто и со вкусом. Тоня, словно ожидая такой вопрос, пожав своими плечами, ответила: – Так мы с репетиции пошли в парк погулять. Погода хорошая. Вечер тёплый. Май на исходе. На югах скоро белая акация зацветёт. Жизнь бьёт ключом!

– А мы вот тоже гуляем. Я Сергею наши гроты показывала.

– А он что, не местный? – удивилась Антонина.

– Да, он недавно в Подольске, у тётушки живет в районе Малой Ивановской, – это встрял Алексей и посмотрел на Наташу. Та после услышанного неуверенно посмотрела на Сергея, и тот в знак согласия кивнул головой. Тоня уловила своим женским чутьём этот взгляд и, посмотрев на Наталью, даже слегка удивилась: – А ты что, разве не знала?

И Наташа, чтобы не выдавать своё короткое знакомство с Сергеем, промолчала, а потом добавила: – Просто мы ещё на эту тему не говорили, и я не была в гостях у него, только и всего.

– И это всё, что ты хотела мне сказать? – удивилась Антонина и хитро посмотрела Наталье в глаза.

– А что я должна была тебе сказать на этот счёт? – теперь спросила Наташа. – Мы познакомимся, вот гуляем, исследуем наши гроты на берегу реки. Нам интересно.

– Я в этом и не сомневаюсь, – ответила Тоня и всё так же хитро смотрела на Наташу и на её поклонника. «Красавчик», – только и подумала она, – и где ты его отыскала», – и закусила губу.

– И что вы репетировали сегодня, – Наташа решила перевести тему, чтобы как-то ввести в разговор ребят, а то Тонька начнёт расспрашивать про Сергея, а ей ну совсем не хотелось сейчас говорить о нем, тем более она никогда не любила обсуждать с подругами своих молодых людей. Она и так давно ни с кем не встречалась, всю себя отдавала работе, и что теперь, она должна с ней делиться, может, самым сокровенным, что у неё сейчас есть? Ну уж нет. Дружба дружбой, а мальчики врозь. Вон у тебя, целых двое, вот и разбирайся с ними, а моё не тронь. Она смотрела на Тоню, но та словно не чувствовала этого серьёзного взгляда своей подруги и так же легко стала рассказывать о новой постановке в театральной студии.

– А мы сейчас стали репетировать арию и терцет из оперетты «Белая акация». Помнишь, два года назад мы её с тобой в кино смотрели. Там ещё Михаил Водяной Яшку-Буксира играл, смешной такой, – напомнила Тоня. – И ты представляешь, нам даже по ходу пьесы имена менять не надо. Словно специально для нас написали, – довольная Тонька только улыбалась и смотрела то на Наташу, то на Сергея, ища у них поддержки, хотя рядом с ней стояли два весёлых парня: один из них

в короткой модной курточке на молнии с накладными карманами, в народе её давно прозвали «бобочка», верх был из коричневого вельвета, а низ светло-серого цвета, и в красной клетчатой рубашке и в светлых серых брюках с манжетами. Ростом он был всего на полголовы выше Тони, немного худощавый, но складный, а вот парень с гитарой был выше на голову, стройный и накаченный, явно спортом занимался или дома с гантелями, подумала Наташа, разглядывая Алексея. Гитару он держал слегка небрежно в левой руке, на плечах была форменная курточка белого цвета, правда, вместо тельняшки была простая белая рубашка в синюю полоску, а на затылке форменная фуражка с крабом, что сразу выдавала в нём моряка, и она догадалась, что Лёша был с катера «Талалихин», и тем более его слегка расклеванные брюки белого цвета. Перешли на летнюю форму, подумала она про себя, разглядывая этого парня. Он слегка тряхнул головой, так чтобы не слетела фуражка, и так же небрежно поправил густой чуб рукой. Профи, подумала она, а он молча посмотрел на Наташу и подмигнул Сергею. Тот уловил это и отвел взгляд в сторону. Наташа сделала вид, что ничего не заметила и продолжала о чём-то думать, глядя на Лёшу. Странно, а я его не видела, хотя пару раз точно на катере каталась по реке. Но тут её снова отвлекла Тоня своим рассказом:

– Представляешь, мою-то героиню тоже Тося зовут, а ребят Саша и Лёша. Наш руководитель так и сказал: – Да вам и имена менять не надо, словно автор с вас героев писал и вашими именами назвал. Бывает же такое! Нет, ты можешь в это поверить?

– Я представляю. И сколько вы уже репетируете?

– Да только сегодня первое чтение пьесы было. Ой, ещё столько репетировать, потом нам будут танец ставить, а в июле на фестивале самодеятельности выступать тут на Зеленой эстраде должны. Так что время ещё есть, – Тонька тараторила без умолку, не давая ребятам даже слова сказать.

– Ну ничего, потом небось опять в свой театральный поступать будешь? – в упор спросила Наташа.

– Ой, не говори, так хочется поступить.

– И что готовишь?

– Да как всегда: басню, стихи, прозу и вот решила показать отрывок из «Белой акации». Как считаешь, это пойдёт? – Тося вопросительно и немного даже с жалостью смотрела на свою подругу. И Наташа это чувствовала, она понимала, как Тося жаждет попасть в театральное училище.

– И уже решила, в какое будешь поступать?

– Да как все, сразу во все кину документы, а там, где больше повезёт, но больше всего, конечно, во ВГИК хочется поступить.

– Ничего, мы с Лёшкой решили Тосю поддержать и поехать вместе с ней на экзамены, покажем на троих наш отрывок, – влез наконец-то в женский разговор Саша, что Наташа это даже оценила, а то от восхищенных реплик подруги ей уже было совсем не смешно. Она видела, как та почти жадным взглядом поела Сергея, но Сергей делал вид, что этого не замечает. Зато Наташа это очень хорошо видела и о чём-то подумала между делом.

– Ну может, уже пойдём погуляем, а ребята? – Сергей попытался прервать эту ставшую несколько навязчивой беседу Тони и как-то попытался разрядить обстановку.

– Куда пойдём? – встрял Саша и посмотрел на Лёшу. – Может, на плотину прогуляемся?

– И вниз попрыгаем на радостях, – выдавил из себя Лёша, явно не в восторге от идеи друга. – Чего там на ночь глядя делать?

– В лунном свете слушать шум воды! – романтично произнесла Тоня и закатила от предвкушения ощущения свои зелёные глаза. – Вы когда-нибудь ночью стояли на плотине и смотрели вниз на падающую воду? – она витала явно где-то в облаках, но Лёша её сразу спустил на землю: – Из будки выйдет дед Шукарь с берданкой и будет вдоль плотины вас гонять! – и засмеялся своей нехитрой шутке.

– А чего ему нас гонять-то? – удивился Сашка, чай не секретный объект какой, подумаешь дело какое, с плотины понырять. Зато там глубоко.

– И вода холодная! – добавил Алексей.

– Так сейчас вода в реке уже тёплая, – произнесла Наташа.

– Да, но там она холодная. Во-первых, из-за глубины, а во-вторых, там сброс воды постоянный, вот она там и не прогревается, – закончил Алексей ликбез для непосвящённых.

– Короче. Моряк сказал нельзя, значит, нельзя! Понятно! – влезла Тоня и закончила спор. – Для этого у нас на реке вышка есть. Вот оттуда и будешь прыгать оловянным солдатиком. Там намного выше, чем на плотине, – и она с укоризной посмотрела на Сашку, а тот лишь пожимал плечами и не знал, что на это сказать, и вдруг изрёк: – Вышка. Точно. Вот нам потом вышку и дадут! Догонят и добавят!

– Типун тебе на язык! – взвилась Тоська.

– Роман Гончарова. Облом! – мрачно пошутил он и потешно изобразил сбор слезинок в кулачок.

– Обрыв! – поправила его Тоня.

– С обрыва я ещё не прыгал, – уточнил он и улыбнулся.

– Пора попробовать!

– Где ж его такой взять? – удивился Сашка. – Нет у нас таких. Не имеется.

– А с вышки? – хитро так спросила Тоня и попыталась ущипнуть Сашку, но тот был невозмутим, как бронзовый лев из парка, и лишь добавил: – Жаль, далеко отсюда, скоро ночь, не суждено нам это превозмочь! – закончил он театральным жестом, взмахнув рукой так, что все чуть не покатались со смеху от такого пафосного выступления своего друга.

– Да, плачет сцена по тебе, дружок! – воскликнула Наташа и с улыбкой посмотрела на Тоню, но та в тот момент так умилительно смотрела на Сашу и чувствовалось, что она им в данный момент восхищается. – Вы на сцене будете великолепно смотреться, – добавила она. – Мне кажется, вы просто созданы друг для друга, чтобы играть в одном театре, – слегка сыронизировала Наташа, но в чём-то она, видно, была права. Ребята бесподобно подходили друг другу, и возможно, не только на сцене, но она ничего не стала говорить по этому поводу и молча посмотрела на Сергея. Их взгляды встретились, и они словно поняли, что надо что-то предпринимать, иначе они так и останутся стоять возле этого грота, пока на улице совсем не стемнеет.

– Так, может, на вышку? – вдруг неожиданно выпалил Сашка и вопросительно так, медленно посмотрел на всех. От такого неожиданного вопроса все замерли и не знали, что отвечать.

– Так уже темно, чего там делать? – удивился Алексей и посмотрел на Сергея. Тот от неожиданного вопроса только пожал плечами.

– А пошли купаться или, может, попрыгаем с вышки? – добавил Саша и посмотрел на ребят, типа прокатит или нет его идея?

– Ночью? Ты с ума сошел? В милицию захотел? – теперь уже удивлялся Лёша на безумное предложение Александра и покрутил пальцем у виска.

– Вы чего, трусили что ли, парни? Никогда ночью не прыгали? Ну вы даёте! Тоже мне моряк речного флота, – пренебрежительно бросил он Лёшке и посмотрел на реакцию Сергея. Тот только слегка удивился и спросил: – А что, её на ночь не закрывают?

– А чего там закрывать? – удивился Сашка и шмыгнул носом. Ну что, пошли посмотрим?

– Так далеко отсюда, пока дойдём туда, совсем темно будет. А у тебя, что плавки есть при себе? – удивился Лёша и внимательно посмотрел на товарища.

– Нет, а что? А причём тут это? Я могу и в трусах прыгнуть. Все в трусах прыгают, а чего? – у него вопросы сыпались, как из рога изобилия.

– А потом с мокрым задом домой пойдешь? – донимал его Лёша.

– Ничего, в темноте не видно будет.

– А Тосю домой проводить?

– Лёшка, я тебе доверяю такую ответственную миссию, если ты переживаешь, что я в мокрых штанах испорчу кому-то компанию, – съязвил Сашка.

– Ладно вам препираться, парни. Мы идём или не идём? – спохватилась Тоня и посмотрела вдруг на Сергея, который обнимал за плечи Наташу и смотрел с улыбкой на пикировку ребят.

– Да пошли конечно, в чём проблема, – он пожал плечами. – Правда, можно и на машине туда доехать, ну не до самой вышки, конечно, но почти рядом.

– На машине? Такси что ли брать? – удивилась Антонина.

– Зачем такси? У нас своя имеется! – и Сергей с гордостью посмотрел на ребят.

Те от удивления даже присели.

– Правда, Наташ?

– Точно! – И улыбка озарила её лицо.

– Своя машина? Ничего себе! Откуда? – удивился Сашка, неужели родители подарили?

– Почему родители? Я сам работаю и зарабатываю неплохо. Да нет. От дяди досталась, в наследство, – скромно и тихо сказал Серёжа, стараясь не вдаваться в подробности всей истории. Хотя он удивился про себя, ведь Лёша уже знал его историю, но, видно, Саша был не в курсе, но сейчас это уже не имело никакого значения. Они все развернулись и пошли вверх по траве навстречу белой арке входных ворот, что вели в нижний детский парк назад, по асфальтовому тротуару, мимо популярного аттракциона «Петля Нестерова», который постоянно гудел работающим двигателем самолета, из салона которого часто раздавался смешной хохот и весёлый визг пассажиров, пристегнутых ремнями, да гудела от восторга довольная очередь парней и девочек, мужчин и женщин, ожидающих своих законных трёх минут наслаждения за деревянным штакетником. Чтоб веселее было идти, Алексей взял в руки гитару и стал петь популярную песенку, пока они шли к главному входу в городской парк, где на пустынной улице их дождался одинокий «Москвич». Одни катались на самолёте, кто-то на качелях-лодочках, а за ними находился с полукруглой крышей больше похожий на автомобильный гараж стрелковый тир, в котором постоянно раздавались выстрелы из пневматических винтовок и раздавались щелчки от попаданий мелких пулек в металлические мишени. А как раз напротив Зелёной эстрады и практически сразу за тиром, в глубине за деревьями стоял цвета кофе с молоком летний кинотеатр, в котором шел очередной сеанс какого-то фильма, потому что из-

за деревянной стены слышались постоянные голоса героев и заразительный смех в зрительном зале.

– Опять комедию крутят! – заметила Тоня, но на её замечание никто не отреагировал, так как Алексей пел, перебирая струны гитары, и ребята ему негромко в такт подпевали. Они прошли мимо статуи Бахуса, что стояла напротив летнего кафе, где во всю горел свет и сидели отдыхающие, пили пиво или кофе, кому что больше нравится. Ребята остановились и молча переглянулись – их взгляд привлекла тройка молодых девушек в цветастых платьях и в туфельках на средних тонких каблочках и идущая им навстречу пара весёлых девчонок, которые почему-то смеялись и часто оглядывались назад, а вот следом за ними шла небольшая компания ребят и что-то из себя изображала и пританцовывала. Наша дружная компания остановилась и стала наблюдать, что будет дальше. Уж очень заливисто смеялись эти девчонки.

Иногда мужики или молодые парни после нескольких кружек пива или пары рюмок водки с обязательным бутербродом, отдыхая после напряжённого трудового дня, прогуливаясь по аллеям старинного парка, встречая на своём пути девчат, частенько напевали перефразированную на русский манер знаменитую песенку героя Раджа Капура из не менее популярного фильма «Господин 420» и изображали его походку со сложенными руками на груди, как это часто делали в индийских фильмах, и тут же затягивали специальным тоненьким голосом: «Дай на маленькую, дай на маленькую, на большую не прошу, дай на маленькую»... и начинали пританцовывать так, что девчонки, проходя мимо озорных парней, дружно и заливисто смеялись. Никто ни на кого не обижался, но настроение у всех поднималось до небес. И вот такую весёлую картину и увидели наши герои. Алексей аж играть перестал и молча смотрел на эту парковую идиллию.

– Народ отдыхает! – изрекла Тося и почему-то посмотрела вопросительно так на Алексея.

– А мы тоже отдыхаем, даже песенки поём, – и Леша ударил по струнам, и они затянули снова весёлую песенку о любви и направились к выходу из парка.

Глава 10. Достоиним быть не запретишь

Когда Сергей вошёл в кабинет директора фабрики и поздоровался со всеми, там уже за длинным столом сидело всё руководство. Кабинет был достаточно большим и широким, с такими же большими и светлыми окнами с занавесками. В данный момент они были слегка задёрнуты, чтобы яркий солнечный свет не отвлекал от насущных дел. Сидящие за столом с интересом поглядывали на молодого технолога. Он прошёл к свободному стулу почти в самом начале стола и оказался между главным инженером и главным бухгалтером. Директор молча оглядел всех присутствующих и, встав из-за стола, произнёс: – Мы сегодня здесь собрались, чтобы рассмотреть и оценить эскизы новых изделий для выпуска на нашей фабрике нашего нового, молодого и, на мой взгляд, очень способного модельера-конструктора Сергея Петровича Николаева. Он у нас работает уже месяц, за это время познакомился со всем производством, и я его просил подготовить небольшой доклад, как он видит в дальнейшем работу на нашей фабрике, а также показать всем свои новые разработки из трикотажа. Так что прошу любить и жаловать. Да, кто не в курсе, то Сергей Петрович, прежде чем окончить институт, успел отслужить в советской армии, так что уже набрался кое-какого жизненного опыта...

– Красавчик, – раздался из угла комнаты тихий женский голос и умолк.

Сергей повернулся на голос и увидел молодую девушку лет двадцати трёх или двадцати четырёх, это была бригадир трикотажного цеха Светлана Половинкина, одетая в скромный синий производственный халат, из-под которого выглядывала белая кофточка. Её серые глаза и каштановые волосы почему-то не произвели на него никакого впечатления. «Серая мышка, хотя и симпатичная на мордашку. Вот такие бригадирами и становятся», – подумал он и отвёл глаза в сторону.

В это время директор фабрики обратился к нему и вывел из состояния задумчивости: – Начинать, Сергей Петрович, – и, усевшись в своё директорское кресло, приготовился со всем вниманием слушать нового сотрудника. Он смотрел на него и где-то в душе понимал, что вот такие молодые красавцы в будущем и должны сменить его на посту. Всё правильно, времена меняются, дети вырастают и заменяют собой родителей. Если разобраться, то я ему здесь тоже практически родитель. Или, как сейчас принято говорить, наставник. Видимо, так и должно быть. Научить своего преемника всему, что знаешь сам, а потом тихо уйти на покой. Преемника? Ну это ещё, если честно, рановато. Пусть себя покажет, пусть поборется за своё место под солнцем. А мы посмотрим. Время есть. Так что вперёд, парень, главное, не пасовать! И он пригласил рукой Сергея начинать. Сергей ещё никак не мог привыкнуть к тому, что на работе его все сразу стали называть по имени отчеству. С одной стороны, ему это льстило, зато с другой накладывало очень серьёзный отпечаток – его здесь воспринимали как взрослого мужчину, хотя он себя таковым пока не считал. Да, он взрослый парень, не женат, это верно, а тут как раз практически сплошной женский коллектив, и девчонки, когда он проходил по цехам, постоянно заглядывались на него, молодого, холостого и красивого парня. Вот и бригадир туда же, а он пока хотел сосредоточиться только на работе, быстрее войти в курс дела и привнести по возможности как можно больше нового и полезного. Он отметил про себя некоторую однообразность всей продукции и уже говорил на эту тему с директором. И, как ни странно, директор пошёл ему на встречу, дав месяц на подготовку конкретного предложения. Сергей не только сам готовил новые эскизы, но и не вылезал из библиотек, просматривал десятки специализированных журна-

лов, которые теперь выпускались в стране, и даже те, которые стали поступать из-за рубежа. Он вспомнил свой первый разговор с директором фабрики, когда тот сам провел его по всем цехам, познакомил с производством, и Сергей увидел все образцы выпускаемой продукции. Что-то ему тогда понравилось, а что-то категорически нет, и он открыто об этом сказал Фёдору Петровичу. Тот его внимательно выслушал, но пока он его слушал, Сергею показалось, что после того как он закончит свою речь, директор ему тут же укажет на дверь и на этом вся его трудовая деятельность на трикотажной фабрике закончится, так и не начавшись. Но, к своему удивлению, Федор Петрович оказался нормальным мужиком и, выслушав все претензии молодого человека, негромко сказал: – Ну что ж, глупо было бы ругать вас, молодой человек, и обвинять в незнании производства и той номенклатуры тканей, что мы получаем от промышленности для своих изделий. Проблем у нас хватает, не без этого. К своему сожалению, я не всё могу успеть охватить, поэтому не всегда успеваю за всеми новинками. Да и сама форма производства, я тут с вами согласен полностью, должна претерпеть какие-то изменения. Какие, я пока не знаю. Но ваш подход мне импонирует. Поэтому давайте сразу так договоримся: я вам даю месяц на то, чтобы вы подготовили мне и всему нашему руководству ну, скажем так, не доклад, а предложения по улучшению нашего ассортимента производства трикотажных изделий. Не обязательно каждый день здесь появляться, чтобы отчитываться о проделанной работе, это я отдаю на ваше усмотрение. А вот через месяц я прошу представить, как можно больше новых разработок, эскизов, чтобы мы могли что-то из этого отобрать для реального воплощения. Будут интересные предложения, с министерством я договарюсь.

Если честно, Сергей не ожидал такого разговора. И это его воодушевило. И вот сейчас ему предстояло держать экзамен не в институте перед преподавателями, а на производстве перед профессионалами. Все сверлили его своими пронзительными взглядами, словно говоря: – Ну давай, парень, покажи, что ты из себя представляешь, на что способен, а то, может, зря мы тут собрались? Подавив лёгкое волнение внутри себя, он незаметно выдохнул и постарался успокоиться: от этого мига теперь зависела вся его жизнь и карьера. Он посмотрел на чёрную кожаную папку, которая сейчас лежала перед ним, но открывать её пока было рано, и поэтому он начал издали: – Товарищи, в течение целого месяца я изучал работу нашей фабрики, мне как инженеру и модельеру-технологу было интересно всё, что называется, пощупать своими руками. Я увидел и изучил всю номенклатуру изделий, все ткани, которые мы получаем, и вот после всего этого у меня родилось такое предложение: – Надо осуществить структурную перестройку всей экономики фабрики, ввести в действие чудодейственный метод инженера Ковалева. Да-да, не удивляйтесь, я имею в виду не железо, а наши ткани. Я это изучал ещё в институте, а теперь хочу применить на практике. Это научная организация труда. Будет меньше оставаться неизрасходованного материала, который раньше шёл на тряпки, и мы выполняли даже план по отходам материала, но сейчас ситуация в корне другая, и страна стала больше уделять этому внимания: короче, кроме простого выполнения плана, это будет стахановское движение на трикотажной фабрике. Надо просто из этого метода отобрать новые, лучшие приёмы работы. Программировать узоры любой сложности, что называется, от снежинок до оленей или классическую английскую клетку.

– А зачем нам какая-то английская клетка? – раздался женский голос с самого конца стола. Сергей поднял голову и посмотрел, кто это высказал такую мысль.

– А чем вам не нравится английская клетка, Марья Петровна? Или вам любое иностранное упоминание, что нож по горлу, мешает жить? – и Сергей отложил в сторону папку с эскизами и посмотрел ей в глаза. Старый технолог промолчала, окинула Сергея недобрый взглядом и продолжила, почему-то смотря на директора, словно ища у него поддержки своим словам.

– А почему мы должны всегда оглядываться то на англичан, то на американцев, Сергей Петрович? У нас что, своего уже ничего нет?

– А причём тут это? Я как раз за то, чтобы всё своё, новое делать, а как вы выражаетесь, так называемая, «английская клетка» принята во всём мире, и ничего плохого я в этом не вижу. Они её придумали, и весь мир этим достижением пользуется. Надо всегда брать в производство самое лучшее, что есть в мире, а не ограничивать себя какими-то догмами, Марья Петровна. У нас с вами, как я вижу, одно отчество, а вот взгляд на производство разный. Времена военного коммунизма давно прошли. Мы живём в другое время и должны помнить, что наши люди имеют право красиво одеваться. Откройте журналы мод и посмотрите, если вы мне не доверяете. Её весь мир использует. Это, во-первых, красиво!

– А во-вторых? – она словно специально пыталась его подколоть, но не тут-то было: Сергей был как никогда готов к такому повороту событий и надавил, как говорят, на больное место любого производственника, лишь для своего самодовольствия посмотрел на директора фабрики и почему-то хмыкнул, машинально подумав, что одна Петровна и два Петровича в одном кабинете – это не перебор? Однако Фёдор Петрович лишь благожелательно махнул ему головой, словно догадался, о чём Сергей подумал, и, чуть не засмеявшись в ответ, опустил голову вниз, искоса посмотрев на Марию Петровну, та была очень возбуждена, явно не ожидая такого напора от молодого, без году неделя модельера-технолога. А Сергей довольный этим продолжил: – А во-вторых, уважаемая Мария Петровна, – он специально сделал ударение на её имени и отчестве, – не надо забывать последнее постановление ЦК партии, в котором ясно говорится о том, что в социальной политике надо прежде всего опираться на специалистов-технократов, так сказать, «новый рабочий» класс и осуществлять постепенную модернизацию всего общества, а это говорит о том, что советский человек должен быть красивым не только духовно, но и одеваться он должен в красивые вещи, и эти вещи должны делать мы с вами, а не кто-то чужой. И пусть она называется по имени тех, кто её изобрёл, но если «английская клетка» – это красиво, то мы должны её использовать. Кроме этого, сейчас входят в моду новые трикотажные рубашки из хлопчатобумажного полотна со стояче-отложным воротником и застёжкой на две или три пуговицы и с тоненькими резинками на манжетах рукавов, получившие в мире своё название из конного спорта, хотя их впервые стали надевать не наездники, а теннисисты во Франции ещё в 1933 году. Они стали чем-то вроде символа принадлежности к этому высокому виду спорта. Да, я говорю о рубашках поло. Мы все их впервые увидели на Московском фестивале молодежи и студентов, и всем они понравились. В принципе, мной за основу была взята, так называемая, курточка-«бобочка» на молнии, очень популярная в народе. Она такая же коротенькая, приталенная, как и рубашка поло. И я подумал, почему бы и нет? Это же очень красиво. Но вот не понятно, почему на нашей фабрике никому не пришло в голову начать их выпуск для наших граждан? Это что, очень сложное производство? Материал-то бельевой, бумажный или шерстяной тонкий трикотаж. Можно использовать разную окраску, а не только серую или чёрную...

– Вы знаете наш план, и какого цвета ткани мы получаем, – влезла со своим замечанием Марья Петровна.

– И что теперь? Так и будем смотреть только на то, что нам дают, а сами мы не можем заказать ткани тех расцветок, что нам необходимы для выполнения не только, как вы говорите, плана, но и красивых изделий? В конце концов, даже из чёрного трикотажа можно сделать не простую гладкую рубашку или свитер с кардиганом, а именно красивое изделие, надо только подумать, как перестроить производство, чтобы оно отвечало нашим задачам. Я же говорю, те же снежинки или олени сделают из серого или чёрного трикотажа очень модное изделие, которое будет влёт уходить с прилавков магазинов, а не висеть там месяцами, что я сейчас наблюдаю. – И вот тут он открыл свою кожаную папку, достал оттуда листы с рисунками и эскизами новых изделий и, взяв их в руки, стал раскладывать на столе перед всеми сидящими, чтобы они смогли внимательно рассмотреть и оценить. – Я прошу вас обмениваться эскизами, чтобы все смогли увидеть не по одному рисунку. Мне интересно услышать ваше мнение. Я тут специально прошёл по всем магазинам города и был, простите обескуражен таким однообразием выпускаемой продукции. И не только нашей фабрики. А потом мы удивляемся, почему нашу продукцию плохо покупают. А кому дома нужно десять одинаковых свитеров или кардиганов или уж тем более одинаковых на всю семью зимних лыжных шапочек, а Марья Петровна? А трикотажные кофточки все на один манер? Или вам всё равно, в чём ходить по улице или дома? Вы вот сидите тут за столом в симпатичной трикотажной кофточке яркой вишнёвой расцветочки, как я погляжу, но явно не нашей фабрики она. Я так думаю, что это кофточка у вас из ГДР или Чехословакии, не так ли?

– Наша у меня уже есть, и не одна.

– Это отрадно, что не одна, но, не думаю, что они все одного цвета. Наши девушки и женщины, да и мужчины тоже хотят одеть не просто кофточку, кардиган или свитер, а красивый свитер, красивую кофточку и красивый кардиган. И если вам нравятся мои эскизы, мои идеи, мои модели, то буду только рад, чтобы они как можно быстрее пошли в производство. Надо ввести новый метод проектирования тканей и трикотажных полотен по заданным свойствам, таким, как прочность, закрепление нити. По раздвигаемости, водонепроницаемости, выявить гигиенические свойства. По которым можно прогнозировать обрывность нитей на текстильных машинах и предложен новый метод её расчёта. Собственные эскизы на основе трикотажных полотен, с учётом эстетических, стилистических, физико-механических, технологических, экономических параметров. Вот это я сейчас и считаю самым главным ответом на призыв партии улучшить качество нашей продукции.

– Ну, насчет качества нашей продукции я ничего против не имею. Она очень качественная и надежная в носке, – высказал своё видение данной ситуации главный инженер Бортников.

– Само качество продукции у меня нарекания не вызывает, а вот однообразие моделей и цветов тканей вызывает. Да и сами модели, как я вижу, давно не обновлялись. Поэтому я и предлагаю целый набор трикотажных рубашек, и новые свитера, и шапочки, и к ним новые в цвет шарфы. Чтобы человек мог собрать из этого целый комплект. Думаю, что и кардиганы и рубашки поло вам понравятся. А для отличительной черты наших изделий я предлагаю вышивать на рубашках поло определённые символы, я там показал – это могут быть и скрещенные теннисные ракетки, и хоккейные клюшки, и даже футбольный мяч. При желании машины можно отладить так, что они смогут выполнять рисунок в виде, к примеру, фигуры человека или животного. Представьте эмблему в виде нашего футболиста подольского «Торпедо»

с мячом, или просто сама эмблема футбольного клуба в виде буквы «Т». Можно и гладкие одноцветные, очень популярны сейчас изделия в полоску – это оригинальный вариант исполнения поло как для спортивных мероприятий, так и для вечерних прогулок после работы. В зависимости от уровня строгости, в некоторых случаях полоска станет актуальна и для работы. Кстати, сейчас очень популярна в народе «Песня каменотеса» в исполнении Жака Дувальяна, и я вот что подумал: почему бы нам не выпустить такие рубашки с эмблемой из скрещенных каменотёсных молотков, как на нашем гербе города. Ведь Подольск славен именно тем, что здесь всегда добывали белый камень, из которого строилась вся древняя Москва. Разве это не прославление нашего города. Мы должны этим гордиться, – и он оглядел всех присутствующих. Как ни странно, но все внимательно рассматривали его рисунки и эскизы. Потом он достал из папки новый эскиз и поднял его на уровень груди. Это был красивый черный свитер с оленями и снежинками, созданный по норвежским мотивам. – Скажем те же свитера с оленями или снежинками, со сложными узорами, сделают наши изделия конкурентоспособными среди других в Союзе. И раз нам поставляют из других стран свои изделия, к примеру, тот же Китай, то почему мы не можем поставлять на экспорт свою продукцию?

– Ну, ты парень и хватанул, на экспорт, ну надо же, – это главный механик фабрики подал свой голос. – Тут бы своих одеть, а то сразу на экспорт. Кто нам даст? – и он посмотрел на директора фабрики, но тот пока молчал. И Сергей понял, что надо действовать. Недаром говорят, что победителей не судят. А он себя сейчас, здесь ощущал победителем. Хотя, может быть, и рано, но начало, как ему казалось, было положено. Главное, что директор его не останавливал, а это могло означать только одно – его инициативы понравились. Значит, он всё делает правильно, и нельзя останавливаться на достигнутом. Будем работать, главное, чтобы только палки в колёса не вставляли, и тогда всё получится, и он посмотрел на директора, который ему еле заметно подмигнул, и в этом Сергей увидел, что в него поверили, и от этого у него словно крылья выросли за спиной, но не прошло и нескольких секунд, как их тут же обломали, и он оказался снова на грешной земле – вновь своё мнение высказала Мария Петровна:

– Это, конечно, всё очень красиво, спорить не буду, и цвета красивые, и модели, тут и в полоску, и в клеточку, и с эмблемами, вот даже свитер очень забавный... ничего не скажу, мне он понравился даже, вот только есть одно «но».

– Какое? – переспросил Сергей и чуть напрягся, слушая Марию Петровну.

– Только вот где мы возьмём для всего этого такие швейные машины? Тут не просто прямая строчка, тут зигзаг нужен и не только он, я уж не говорю про вышивание эмблем на каждой рубашке. Это сколько времени будет уходить на всё? И кто их будет вышивать, Сергей Петрович, вы сами? – и она усмехнулась.

– Не так страшен чёрт, как его малюют. У нас под боком свой завод по выпуску швейных машин, так что не думаю, что там нет ничего подобного. Вы когда там были в последний раз? – теперь Сергей пошёл в атаку.

– Я там вообще никогда не была. Мне это просто не нужно. У нас есть швейные машины, и мы на них работаем и выполняем план, – и она как-то укоризненно посмотрела на Сергея и покачала головой.

– Я так и думал. Жаль. А я вот сходил и всё узнал. И у них есть как раз то, что нам надо.

– А кто нам деньги выделит, кто фонды даст на такое переоборудование?

– Ну скажем так: для начала нам много не надо. Сначала освоим новое производство, а потом уже и дальше будем думать. Сделаем один цех, нам пока хватит,

чтобы продавать свою продукцию в городе. Добьёмся высокого качества, можно и на выставку представить, я прав Фёдор Петрович? – Сергей посмотрел на директора и получил подтверждение своим словам:

– Я думаю, мы решим эту проблему. А теперь можно подвести кое-какие итоги, не так ли? —он поднялся из своего кресла и стал ходит вдоль стола, – мысли интересные, предложение дельное, а что все остальные скажут? – и Фёдор Петрович посмотрел на присутствующих в кабинете руководителей подразделений...

«Пройти путь от наброска до готового изделия, почувствовать себя настоящим художником-модельером. Увидеть свои творения на людях и на прилавках магазинов по всей стране, и чтобы покупателям они понравились, это и есть самое главное!» – так думал Сергей Петрович Николаев, 27 лет от роду, выходя на улицу после трудового дня. Дня, о котором он мечтал, когда ещё только учился в институте. Государство выдвигало молодых и смелых.

Глава 11. Дом, в котором я живу

Когда Сергей вёз Наташу на машине к дому, в котором он жил у тётки, она видела много одноэтажных домиков с цветущими палисадниками за невысокими штакетниками. Сама она здесь никогда не ходила и практически не знала этот район города просто потому, что девчонкой она с мальчишками бегала по другим улицам на речку к тарзанке, и сейчас с удовольствием любовалась этим уютным уголком родного города. «Москвиченок» довольно шустро маневрировал с одной улицы на другую, и вскоре они оказались почти в самом конце какой-то улицы, название которой она не успела прочитать из-за кустов сирени в палисаднике, которые загораживали табличку с надписью. Проехав ещё несколько метров по накатанной земле, машина остановилась у симпатичного одноэтажного дома с мезонином, выкрашенного в традиционный темно-голубой цвет с белыми резными наличниками на окнах. Один куст сирени рос почти у самого угла дома, и за её пышными ветками с цветами Наташа также не увидела привычную круглую металлическую табличку, на которой обычно указывался номер дома и название улицы. Но это было совсем не важно сейчас для неё. Главное, она с Сергеем приехала знакомиться с его тёткой, с которой он жил в её частном доме. Она осмотрелась. Дом красивый, с мезонином, подумала она. За штакетником росли кусты пионов, и большие шапки цветов уже стали распускаться, создавая неповторимый пейзаж этакого деревенского бытия в городе. Дом у реки. Об этом можно было только мечтать. Сергей вылез из машины и открыл дверцу, выпуская из салона автомобиля Наташу.

– Вот дом, в котором я живу!

– Прямо, как в кино, – Наташа даже слегка усмехнулась, вспомнив известный кинофильм, название которого, как нельзя кстати подошло к данной ситуации, и, осмотревшись кругом, с восхищением произнесла: – Как здесь здорово! Такой красивый палисадник и шикарная сирень...

– Ты ещё в саду не была... – сказал Сергей и, взяв Наташу за руку, повёл её к калитке, ведущий в пышный сад его любимой тётки. Наташа с удовольствием пошла за ним: знакомиться, так знакомиться, подумала она и вошла в этот необычный сад. То, что он был не совсем обычным, и не таким, как у многих, это она поняла сразу, как только вошла и быстрым взглядом его окинула. Здесь во всём чувствовалась уверенная и любящая этот сад рука. Ещё не все цветы радовали глаз своим разнообразием, но то, что она увидела, уже поразило её: аккуратные дорожки, посыпанные битым кирпичом между разнообразных кустарников и клумб с цветами, и явно чем-то тяжелым укатанные, даже на входе в дом стояли на деревянной лестнице горшки с цветами, которые уже вовсю цвели и украшали своим видом вход в деревянный дом. Но когда она повернула свою интересующуюся головку направо, то увидела в углу сада, под большими кустами белой и традиционной с фиолетовыми цветами сирени стоящий на маленькой поляне небольшой круглый стол с красной клетчатой скатертью, на которой уже дымился разогретый с блестящими хромированными боками средних размеров, но очень симпатичный самовар, а вокруг стояли плетёные кресла. С ума сойти, подумала Наташа. В наше время и прямо барская усадьба на берегу реки. Нет, мне это грезится, и она вопросительно посмотрела на Сергея. Сад был просто потрясающий. Пусть Наташа и не знала многих названий кустарников и цветов, но самые основные она, конечно, узнала, и отличить розы от шиповника она могла, да и пионы она любила, а растущие и сейчас цветущие яблони и вишни просто сводили её с ума своей красотой. Она действительно давно

не была в таком саду. Даже у бабушки на даче было совсем по-другому: там всё же больше росли разные овощи и фрукты, и совсем было мало цветов... ну так, для разнообразия. Зато разные кабачки и картошка занимали довольно большую площадь дачного участка. Да и домик там был обычный, маленький, в котором можно было проживать только летом, ибо печки в нём не было, да и не разрешали почему-то в таких дачных домиках их строить. Правда, мама недавно как-то говорила, что вроде как разрешили сделать печи, но для этого надо было домик практически полностью перестраивать. Можно было поставить чугунную буржуйку, но она не могла долго поддерживать в доме тепло, её постоянно надо было чем-то топить, а для этого надо было постоянно ходить в лес и собирать упавшие сучья с деревьев.

– Ты о чём задумалась? – прервал её размышления голос Сергея, и Наташа словно очнулась.

– Ты знаешь, я просто в восхищении от сада, – но тут она осмотрелась и сразу же спросила, – а где хозяйка этого благоухающего великолепия?

– Маленькая хозяйка большого дома? – с иронией спросил Сергей и вдруг громко произнёс: – Светлана Петровна, мы уже приехали! Мы тут! Встречай гостей! – и он развёл руки в стороны, как это обычно делают актеры на сцене, и посмотрел на слегка приоткрытую дверь дома, ища глазами его хозяйку.

– Сейчас, сейчас, – раздался приглушённый голос из дома, и через секунду из открывшейся двери появилась среднего роста, довольна симпатичная на лицо, не худая и не толстая женщина в возрасте где-то за сорок, как для себя определила Наташа, когда увидела её с подносом в руках, спускающуюся по ступенькам лестницы дома: – Я рада вас видеть! Люблю гостей принимать в саду, когда такая отличная погода! – она остановилась напротив ребят, поздоровалась и сразу, естественно, осмотрела подругу своего племянника. Её улыбка была очень тёплой. Девушка ей понравилась.

Увидев тётю ближе, Наташа поняла, что Сергею с ней явно повезло. Интересно, а дети у неё есть? Сергей про это мне совсем ничего не говорил.

– Давайте я вас познакомлю, – произнес Сергей и представил Наташу, – это Наташа, – и она тут же сказала: – Здравствуйте! – А это моя тётя, Светлана Петровна. Прошу любить и жаловать! – ему было вдвойне приятно от самой процедуры знакомства.

– Сережа, возьми у меня поднос и поставь на стол, – тетя его сразу взяла в оборот, и Сергей сразу направился к столу, понимая, что тётя хочет поближе познакомиться с Наташей. Они стояли и смотрели друг на друга, и Наташа в ответ произнесла спокойно и просто: – Мне очень приятно познакомиться. Наташа, – и она покомсомольски протянула свою руку для рукопожатия, и Светлана Петровна ответила ей взаимностью, и их руки соединились в длинном дружеском рукопожатии, а глаза ещё долго смотрели друг на друга, пока Светлана Петровна не пригласила её к столу: – Прошу вас, Наташа, к нашему столу! Не стесняйтесь.

– Большое спасибо, Светлана Петровна! У вас такой замечательный сад, я просто по-хорошему вам завидую. Как вам одной удаётся управляться с таким хозяйством. Я даже не все цветы и кустарники узнаю, а многие просто не знаю, как они называются. У вас такое разнообразие, – и девушка сделала паузу. – У нас на даче много проще.

– У вас есть дача?

– Да, как у многих сейчас. Свои шесть мичуринских соток. Бабуля больше огородом занята, а цветов очень мало, поэтому я просто в восхищении от вашего разнообразия. Это действительно сад, а не огород.

– Ну, огород у меня тоже имеется, куда без него, но он там, за домом, – и она махнула рукой куда-то за стенку дома, где сбоку цвела яблоня. Там и картошечка посажена, и редисочка, и в теплице помидоры с огурцами. Как говорится, есть всё, что за столом нам надо скушать, – и она улыбнулась Наташе своей доброй улыбкой.

– И вы это всё одна делаете? – Наташа непринуждённо восхищалась увиденным, а Светлана Петровна уже вела гостью по саду и всё ей показывала: – Вот здесь будут флоксы цвести, вот тут розы, а вот там у забора разные травы растут декоративные. Мне очень нравится, когда они цветут, такие запахи по саду проплывают, просто прелесть, – тетушка показывала свои уголья, и ей было вдвойне приятно, что девушка Сергея с таким вниманием её слушала и расспрашивала. В этот момент она чувствовала свою нужность и практически забывала о том, что с некоторого времени осталась одна, и если бы ни Серёжа, то, конечно, ей было бы и грустно, и одиноко, даже для самой себя всё делать и в саду, и в огороде, и даже грибы в лесу собирать ей было бы не так приятно, как это будет в этом году. Сергей привнес в её существование ту самую ноту удовольствия от жизни, которой ей так не хватало после смерти своего любимого Пети. Война добралась до него через двенадцать лет, оставив её вдовой и без детей, совсем ещё не старой женщиной. С сестрой, матерью Сергея, она почти не общалась, и этому были свои давние причины, зато появление племянника изменило качество её жизни до неузнаваемости. У неё словно открылось второе дыхание, стало легче дышать, и появился вкус к жизни. Она даже стала ходить в кино, чего совсем не делала после смерти мужа.

В саду под огромным кустом благоухающей сирени за круглым столом с клетчатой скатертью, на котором стояли чашки с ароматным чаем, настоящим на разных травах, которые Светлана Петровна самолично собирала в районе Дубровиц, подалее уходя от тех мест, где чаще всего прогуливались отдыхающие со всего города. На столе также стояли шоколадные конфеты в серебристых обёртках «Трюфели», которые Светлана Петровна обожала с самого детства. Они пили чай из самовара, сидя в плетёных креслах на мягких подушках, словно это было в барской усадьбе девятнадцатого века. Было тихо и уютно. Рядом со столом на тумбе возвышался старый патефон, где крутилась чёрная пластинка с красной этикеткой в самом центре, и по саду разносился голос самого Лемешева. Как тихо и прекрасно вечером в Подмосковье, находясь подалее от столичной суеты. Музыка закончилась, как и разговоры на разные темы. И наступила звенящая тишина. Все молчали, словно боялись нарушить эту неземную тишину. И тут Светлана Петровна тихо встала со своего кресла и подошла к невысокому забору, из-за которого сверху хорошо просматривалась вся река. Был прекрасный воскресный вечер. Она положила руки на ограду и замерла. Сергей с Наташей тихо переглянулись.

Светлана Петровна мечтательно смотрела вдаль, где в лучах вечернего заката, бороздя просторы тихой реки, проплывал белый прогулочный теплоход «Талалихин» с последними пассажирами на борту.

– В лучах вечернего заката
По речке белый катер плыл.
Туман стелился, словно вата,

И вдаль, куда-то уходил... – она так вдохновенно прочитала, словно это было не в летнем саду, а на каком-то литературном вечере декадентов в начале века. Услышав это, Наталья не выдержала и воскликнула: – Ой, как романтично! Это кто? Я не узнаю, каюсь!

– Да так, лёгкая импровизация на фоне вечернего заката, – с такой же интонацией и в том же духе, с легкой иронией произнесла Светлана Петровна.

– Светлана Петровна, да вы поэт! – Наташа слегка взмахнула рукой, – Вы меня покорили. – Это так романтично!

– Ага! Я поэт, зовусь я Светик, от меня вам всем приветик! Незнайку Носова, надеюсь, все читали?! – она повернулась к ребятам и продолжила: – Я поэтом не была, и, видно, никогда не стану... – Светлана Петровна отошла от деревянного забора и вернулась к столу, и словно продолжая какую-то игру, чуть улыбнувшись сама себе, продолжила: – Сирень дурманила весь вечер, давно кружилась голова...

– Ну тётя Свет, ты даёшь... – Серёжка был неожиданно удивлён скрытыми талантами своей любимой тётушки. – За это надо выпить твоей знаменитой вишнёвой настоечки!

– Не надо Серёж, не надо. Я же так, в шутку, да и тебе завтра рано на работу. Лучше проводи Наташу, а то уже время позднее, да и мама её будет беспокоиться.

Она взяла со стола свою чашку с блюдцем и понесла в дом.

Серёжа с Наташей стояли у распахнутых дверей подъезда.

– Спасибо тебе за прекрасный вечер! У тебя такая замечательная тётя. Мне понравилось всё, особенно вишнёвое варенье. Она у тебя с юмором, – и Наташа заулыбалась, вспоминая этот вечер в саду под огромными кустами сирени.

– Стихи замечательные сочиняет на ходу, – она смотрела на Сергея влюблёнными глазами. Они словно от нереальной радости лучились в полумраке, он это ощущал каким-то седьмым чувством. Ему так хотелось её поцеловать в губы, но Наташа, словно почувствовав это намерение, отвернулась в сторону, а потом резко приблизилась к нему и озорно чмокнула Сергея в щеку и тут же побежала вверх по лестнице, стуча своими каблучками. Он только проводил её убегающий силуэт долгим задумчивым взглядом, подумав про себя: «А ведь я её люблю! И мне с ней легко и приятно».

Он обратно не спеша ехал на машине, по пустынному Ревпроспекту, изредка встречая на тротуарах запоздалых прохожих. Из ресторана «Якорь» выходили засиженные посетители. Некоторые из них были достаточно навеселе и частенько напевали себе под нос какую-нибудь весёленькую песенку, семена ногами по ещё теплому тротуару. Светили автомобильные фары, шуршали покрышки по асфальту, зазывно урчал мотор «Москвича». Свежий вечерний воздух обдувал Сергея, и ему было очень приятно ехать по ночным улицам города в кабриолете. Он возвращался очень довольный, не забывая внимательно всматриваться в дорогу. Новые фонари освещали знакомые улицы своим жёлто-голубым неоновым светом. Их становилось в городе с каждым днём всё больше и больше, и город по ночам уже не казался таким пустынным и тёмным, как двадцать лет назад.

Оставив «Москвич» у калитки, он только на случай дождя закрыл его тентом и вошел в тишину засыпающего дома. В саду тётя уже всё убрала и легла спать, и поэтому Сергей тихо и очень осторожно, чтобы ненароком её не разбудить, прошёл в свою комнату, включил стоящую на тумбочке прикроватную лампу и не раздеваясь улёгся на постель. Спать ему совершенно не хотелось.

Глава 12. Шестнадцать тонн любви

– Знаешь, я тут из Риги привезла новые пластинки, в том числе и Жака Дуваляна с новыми песнями. Не хочешь послушать? – обратилась Наташа к Светлане, которая заскочила к ней в гости, якобы просто так, но как всегда бывало, Светка никогда просто так в гости не забегала. Что-то за этим стояло. Наташа посмотрела на свою подругу, с которой они вместе учились ещё в школе, и задумалась.

– Конечно! Ты ещё спрашиваешь. У него такой классный голос. А у тебя есть «Шестнадцать тонн» в исполнении Поля Робсона? – поинтересовалась Светлана очень искренне, с глазами хитрого лисёнка.

– Да, конечно. Мне она тоже очень нравится, – подтвердила Наташа.

– А ещё я слышала, вышла новая пластинка Ива Монтана. Большая, там кажется, целых десять песен есть. А ещё стала выходить, мне девчонки говорили из магазина, новая серия «Вокруг света», так там практически одни заграничные исполнители. Не слышала? Говорят, что уже две или три пластинки вышли. Под них танцевать хорошо. Музыка весёлая такая.

– У тебя уже есть они?

– Пока нет.

– Жаль, а то бы послушали... Поставь пока Дуваляна послушать.

– Жак Дувалян, – Светлана взяла пластинку в бумажном конверте и, вытащив её, стала рассматривать: – О, шесть песен на тридцать три оборота. И по размеру меньше, чем те, что на семьдесят восемь оборотов, – и прочитала на этикетке название песен: «Букет цветов», «Опавшие листья», «Мари на прогулке». Долгоиграющая. И это всё на одной стороне, и перевернула пластинку, – «Праздник цветов», «Изабель» и «Моро и Рио-де-Жанейро». Класс! Давай послушаем, пока никого нет дома?

– Да не вопрос. С удовольствием! – и Наташа взяла из рук подруги пластинку и, подойдя к радиоле, включила её, нажав клавишу, открыла крышку и поставила её на диск проигрывателя. Потом включила скорость, взяла звукосниматель и аккуратно опустила его на пластинку. И через несколько секунд в комнате зазвучала песня на французском языке.

И Наташа вспомнила, как однажды пришла подруга, одетая как серая мышка. Это была Светлана, и, что самое характерное, Наташа уже знала, что они с Сергеем работают на одной фабрике. Да, если её немного приодеть, то, может, из неё получится симпатичная девушка. И задумалась, смотря на свою подругу. Да, как быстро летит время. Вроде не так давно учились вместе, потом Светка уехала зачем-то в Сибирь работать и вот теперь снова вернулась и устроилась как раз на фабрику, где работает Сергей. Зачем? Говорит, что не в курсе была и увидела его совсем случайно, не зная, что мы знакомы. Она осмотрела её с ног до головы и решила: – Я из тебя сделаю самую красивую девушку нашего города! А про себя подумала: «Вот и посмотрим, влюбится в тебя Сергей или нет?»

– А вот и капитан старой черепахи притащился. Встречайте! – воскликнула Тоня, увидев в модной гавайской цветной рубашке и в фуражке с крабом на голове Лёшку, помощника капитана теплохода «Талалихин», который бороздил каждый день речные просторы подольской Пахры от плотины до Дубровиц и обратно под весёлую музыку палубного динамика.

– Мадам! Позвольте одинокому моряку к вам пришвартоваться? – Лёшка прям источал собой какую-то умильность и некоторую театральность в своих жестах, что явно находило отражение из его посещений театрального коллектива в близлежащем доме культуры по вечерам.

– Я вас умоляю!.. – Тонька аж чуть не задохнулась от смеха, угорая вечно над Лёшкиными приколами перед девушками. Это было явно у него в крови. Она махнула рукой и добавила: – Хотя... Ладно... Бросайте конец!

– Эх, потанцуем. – И непонятно, с какой радости, он вдруг взвился в танце и стал напевать очень уж популярную песенку этого лета, которая звучала уже почти каждый день на танцах в городском парке: – Эй мамбо, мамбо Италия! Эй, мамбо, мамба Италия! – И он закрутился вокруг девушки, изображая танцевальные па и помогая себе взмахами рук.

– Его давно море зовёт! – девчонки вместе с Тоней засмеялись. Лёшка был хоть и шепутной, но совершенно добрый парень, за что его девчонки и любили. В его осанке была какая-то легкая развинченность, даже можно сказать, неряшливость, совершенно не гармонирующая с элегантными линиями его высокого стройного тела, словно предназначенного для горделивого и непринуждённого аристократа, но доставшегося расхлябанному моряку, который не рижскую мореходку окончил, а непонятное какое-то провинциальное училище, и должен был бы соответствовать своему статусу помощника капитана, пусть и маленького, но гордого речного теплохода. Высокий и стройный, при этом лицо его было очень даже волевое, выделялось резкими чертами и в сочетании с тёмно-голубыми глазами, что тоже встретишь не часто, и слегка волнистыми волосами почти чёрного цвета казалось твёрдым, как лёд и отличалось необыкновенной правильностью линий, а уж эти чистые лучистые глаза с поволокой делали его просто не отражимым ухажёром, от которых девчонки сходили с ума.

Да уж, порой Лёшка любил повыпендриваться перед девчонками, благо всегда был выбор, с кем из них провести приятный вечер. Был момент, когда ему очень нравилась Антонина, она, правда, и сейчас ему нравится, но уже как подруга близкого друга Сашки, который, кажется, серьёзно в неё влюбился и не скрывал своих чувств. Поэтому и Лёша уже не мог себе позволить этого легкомыслия, тем более когда в их компании появилась Света. Вот ведь повезло – три подруги учились вместе в школе – Наташа, Света и Тоня, и когда они все втроём частенько выходили вместе на прогулку, от них нельзя было отвести глаз, так они дополняли друг друга и так были вместе хороши. А чего было делать девчонкам, когда они были одни – только и гулять по проспекту, «шлифовать гудрон». Конечно, больше всех из троицы выделялась Наташа, это было и понятно: она сама умела прекрасно шить платья и своим подругам в этом никогда не отказывала, а Тоня со Светланой пытались от неё не отставать. Правда, был момент, когда Светка укатила из города в Сибирь делать свою карьеру, но через некоторое время всё равно вернулась, и надо же было такому случиться, словно какое-то провидение столкнуло их всех в одном городе – трёх симпатичных девчонок и трёх парней, из разных мест, из которых только Сашка был коренным жителем, и вот надо же, они все, благодаря случаю, оказались в одной компании, а Лёша и Саша с Тоней ещё и в одном любительском театральном коллективе, где стали вместе играть. Бывает и так. А случайная встреча с Сергеем на теплоходе расширила круг этой интересной компании, местом встреч которой стало всеми любимое кафе-мороженое на Ревпроспекте у ДК имени Лепсе. Вечером, после работы, особенно по субботам они часто здесь все встречались. Вот и сейчас Лёшка ждал, когда появится Саша, а он ждал Светлану, которая должна была зайти как раз

к Наташе и обсудить какие-то свои девчоночьи дела. Он достал из коробки толстую капитанскую сигару и смачно её прикурил. Терпкий, тонкий аромат дымка улетал вверх, прячась в листьях дерева, у которого он остановился в ожидании друга.

Сашка, довольный и весёлый своей новой покупкой, мчался по заасфальтированной Рабочей улице мимо городского парка, ощущая на себе завистливые взгляды прогуливавшихся девчонок и парней и студентов из индустриального техникума, которые спешили домой, широко шагая или стуча каблучками по тротуару после длительных занятий. Приятный ветерок трепал ворот его светлой рубашки в голубую полосу, и чёрный кожаный ремень приятно впивался в его пояс на светло-серых брюках, а модные, с заострённым мысом чёрные начищенные до блеска ботинки дополняли его молодецкий вид. Мелькали одноэтажные домики по правую руку от него, и когда появился белый штакетник кафе-мороженого, он стал притормаживать, но, увидев на недавно появившемся на перекрёстке светофоре зелёный свет, свернул направо под кроны стоявших на тротуаре деревьев и вдруг заметил под одним из них Лёшку в чёрной рубашке и его традиционных черных брюках, но зато сегодня он был в модном белом пиджаке, и это делало его офигительно красивым парнем, да ещё и с пластинкой в руке. Рядом с ним стоял какой-то молодой человек в клетчатой рубашке и курил. Увидев подъезжающего парня, он толкнул рукой Алексея, тот повернулся и увидел Александра на мотороллере. Их взгляды встретились.

И тут Сашка притормозил у самой обочины, заглушив мотор, поставил левую ногу на асфальт и держа за руль свою красавицу, с довольной улыбкой, отбросив правую руку в сторону, словно он сейчас был на сцене ДК, озорно продекламировал незамысловатый слоган: – Во парни! В сберкассе деньги накопил, и мотороллер я купил! Классная штука!

Лёшка что-то бросил парню на ухо и передал ему пластинку, тот кивнул в ответ и, выбросив сигарету в урну, зашёл в кафе, а Лёшка подошел к Саше и, протянув руку для пожатия, произнёс:

– Красиво смотрится. Ты становишься модным парнем, скоро за тобой все девчонки будут бегать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.